

Михаил Иванович Пыляев

Замечательные чудаки и оригиналы

*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев

**Замечательные
чудаки и оригиналы**

«Public Domain»

1898

Пыляев М. И.

Замечательные чудаки и оригиналы / М. И. Пыляев — «Public Domain», 1898

«В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и прочее. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие, он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки, там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других, но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	23
Глава V	27
Глава VI	33
Глава VII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

М. И. Пыляев

Замечательные чудаки и оригиналы

Глава I

Чудачества Н-на; его расточительная жизнь. – Дорогой домик-игрушка. – Страсть к столоверчению. – Оригиналы-гости. – Историческая игрушка голландца Брандта. – Н-на цыганка и ее мальчик. – Эскулап-колдун. – Полковник Ч., филантроп-оригинал. – Причуды Аракчеева. – Его собачки. – Азартная поспеиность графа. – Страсть к чистоте и привязанности к одной форме и внешности

В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и прочее. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие, он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки, там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других, но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно, причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном еще обществе, тем более она порождает личных аномалий.

В двадцатых годах текущего столетия весь интеллигентный мир в Петербурге и Москве был в дружественных сношениях с симпатичным гвардейским офицером-измайловцем П.В. Н-м. Своеобразный ум последнего, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко ценились всеми тогдашними нашими писателями; как Пушкин, так и Гоголь были его друзья.

Н-н воспитывался вместе с Пушкиным в Царскосельском лицее. Несмотря на то, что Н-н прожил на своем веку не одну тысячу душ и спустил на разные затеи целый ряд наследств, Пушкин высоко ценил его житейскую опытность и любил следовать его советам. По его рассказу он написал «Дубровского», которого сам видел Н-н в остроге одного белорусского города; герой повести небогатый дворянин был доведен до нищеты богатым своим соседом; по просьбе Пушкина Н-н написал несколько очерков своего детства и рассказов о своих предках. Н-н не раз выручал в трудные минуты поэта. Существует предание, как после смерти Пушкина Н-н с Вяземским и еще с кем-то разделили последние деньги, нашедшиеся у него в бумажнике, с клятвою их хранить навсегда, в знак памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которых они написали год, день, число и час его смерти. Интересно, уцелели ли эти бумажки. Н-ну Гоголь посвятил несколько лучших глав во второй части своих «Мертвых душ». Известный петербургский откупщик, миллионер Бенардаки, близкий к Гоголю, предлагал Н-ну, когда его дела приняли тугой оборот, принять у него место воспитателя его детей. Н-н был человек очень добрый; он прожил на своем веку несколько состояний; судьба почти до последней минуты баловала его. Случалось, что у него в доме не было копейки и он топил камин мебелью – и вдруг новое богатое наследство валилось ему с неба. Н-н, избалованный богатой матерью, почти с юношеских лет предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всем

готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж одного большого барского дома на Фонтанке для своих друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, и сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег, не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей, вовсе незнакомых хозяину, и одиноких и попарно. Многочисленная прислуга, под управлением карлика «Карлы-головастика», обязана была для всех раскладывать по полу матрацы со всеми принадлежностями приличной постели, парным – в маленьких кабинетах, а холостякам – в больших комнатах, вповалку на полу. Сам хозяин, являсь ночью, спрашивал только, много ли ночлежников. Утром все обязаны были явиться к кофе и чаю. Случалось, что в торжественные дни рождения его гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака или обеда, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкого с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засеив на место кучера и фореитора и став на запятках, вместо лакеев – летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам! Конечно, все это могло совершаться в начале 20-х годов, а в 30-х об этом времени вспоминали только с сожалением.

Так, в период буйной и безумной молодости Н-на деньги были ему ни о чем: он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались все, как русские, так и французские актеры. Умный и образованный человек со вкусом, он бросал деньги, покровительствуя художникам и артистам; он любил жить и давал другим жить. Залы у него были полны произведениями начинающих художников; одних собственных его портретов было более сотни, он их раздаривал знакомым, как теперь дарят фотографические карточки; все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Он покупал все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты и бирюзу, которую считал за амулет. В особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в золотой футляр, который вскоре и подарил кому-то из знакомых. Н-н одно время был страстно влюблен в эту актрису и, чтобы вылечиться от безумной страсти, придумал следующую хитрую штуку. Он нарядился в женский наряд и прожил у артистки в качестве горничной более месяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетом к его «Домику в Коломне». Щедрость Н-на к артистам доходила до того, что известному Вьетану он подарил скрипку, с которою знаменитый артист объехал всю Европу. Подобные дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно порасстроили его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью Стешы, прозванной Каталани. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни чернооких красавиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по нескольку раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили название «угольковых» и многим опустошали карманы. Н-н для цыганки держал экипаж с парой вятков и шведок, за нее он дал крупный выкуп хору; у нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем ее был и известный князь Гагарин, тоже чудак большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чая. И доставил, и только по благосклонности императора благополучно возвратился в русский лагерь. У Н-на от цыганки был сын, дворняжка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчишке сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, указав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой

проделке, говоря «ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию».

Однажды у цыганки Н-н проиграл все, что у него было – часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой вятков. Выигравший, захватив серебро, вещи, в выигрышной карете еще темным утром поехал домой, приказав сани с вятками отправить за ним. Н-н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении вятков, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнюю роскошную жизнь. Любовь к цыганке Н-на послужила Куликову сюжетом для его водевиля «Цыганка». Н-н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что, оставив ей весь свой дом в Москве, вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную, к приятелю, где перевенчался на своей однофамилице и поселился на некоторое время в Туле.

Н-н, как мы заметили, любил хорошо покушать и также кормить своих гостей почти насильно. Обеды заказывать и говорить про кушанья он был большой охотник. За столом у себя он потчевал гостей до упаду, ежеминутно вскакивал и кричал на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся, и если это было unsuccessfully, то сам упрашивал не хуже известного крыловского Демьяна. Не возьмет гость – он считал большой обидой. Редкий из его гостей выходил у него из-за стола не упитавшись так, что еле несли ноги. На обеды он приглашал за несколько дней, а в день обеда присылал дворецкого напоминать, чтобы не забыли. У него нередко подавали на стол паштет, при вскрытии которого выходил карлик, держа в одной руке паштет уже съедобный, а в другой руке – букет с цветами.

Существует предание, что Петр Петрович Петух списан Гоголем с Н-на.

По смерти Пушкина Н-н переехал жить в Москву, тут уже пошла нерадужная сторона его жизни, но он не унывал и вел почти ту же самую петербургскую жизнь. Он ездил почти ежедневно в английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся всегда под сбережением маркера, и продолжал мотать деньги, ссужая встречного и поперечного. Иногда, в критические минуты, ему вдруг падали наследства от какого-нибудь дальнего родственника, то уплачивал ему кто-нибудь старый карточный должок и т. д. Но все эти неожиданности скоро исчезли. Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т. д. Между замечательными редкостями, находившимися в его квартире, был один двухэтажный стеклянный домик аршина два длины, каждая отдельная часть и украшения которого были им заказаны за границей в Вене, Париже и Лондоне. На этот домик, стоивший ему до сорока тысяч рублей, съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домик этот был потом заложен и перезаложен в Москве за двенадцать или тринадцать тысяч и теперь неизвестно у кого находится как редкая, трудно сбываемая игрушка. Домик был продолговатый, правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посередине, сервированным на шестьдесят кувертов. По четырем углам залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовых подстоях, на потолке, вылепленном в мавританском стиле, висели три серебряные люстры, каждая по пятидесяти свечей, в одном углу стоял рояль, в другом арфа, первый был работы Вирта, вторая – Эрара, на первом жена владельца играла небольшие пьесы, употребляя для ударов по клавишам вязальные спицы. В зале помещались ломберные столы с картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растениями, так искусно сделанными в Париже, что, казалось, эти растения были живыми. Нижний этаж представлял жилые покои и был наполнен всем, что только требовалось для какого-нибудь царственного жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, он не позабыл ни малейшей безделицы богатого домашнего быта. В этих жилых покоях, стены

которых были то мраморные, то покрытые разноцветным штофом, были и микроскопические картины, писанные масляными красками, и пианино, и ноты, и полная миниатюрная библиотека, и целый арсенал оружия, ящик с пистолетами Лепажя, сигары, бильярд и т. д. И все эти лилипутные вещи, серебряные столовые тарелки и блюда, сделанные отдельно, замечательными художниками, должны им были стоить большого труда и терпения, начиная от рояля, фортепиано, до библиотеки; для печатания только одних заглавий книг необходимо было придумывать такой мелкий шрифт, который можно видеть только на наших ассигнациях. Паркет в обоих этажах был мозаичный. Сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором в открытых ящиках хранились всевозможные дорогие вина, укупоренные за границей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябр. В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях – фигура военного, времен Очаковских. Хозяйка приветствует его рукой, в другой комнате хозяин и гость кушают кофе, в бильярдной идет игра, все фигуры одеты в надлежащие того времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов.

Разорившись, Н-н заложил курьезную модель своего московского дома нотариусу Пирогову, последний рассчитывал с хорошим барышом продать ее чуть ли не в казну, как большую редкость, покупка не состоялась, и модель долю не продавалась у известного в Москве в пятидесятых годах антиквария Волкова. Эта старинная барская редкость несколько лет тому назад была выставлена на ремесленной выставке и затем продавалась с аукциона.

Говоря о причудных игрушках доброго старого времени, мы не можем не упомянуть о другом таком же миниатюрном домике, который назначался для поднесения императору Петру Великому.

В Утрехте в начале XVIII столетия жил богатый негодант Брандт, посвятивший себя искусству, для которого нет настоящего имени, но которое можно назвать миниатюрною механикою. Он достиг в этом такого совершенства, что все его работы ценились очень высоко. Когда Петр Великий приехал в Амстердам, Брандт находился в этом городе. Государь, увидев работы его, удивился терпению и искусству, с какими они сделаны. «Дорого бы я дал, чтоб иметь у себя какую-нибудь особенную отличную работу Брандта», сказал однажды государь. Брандт, узнав об этом, решился сделать для государя миниатюрный голландский домик со всем убранством, мебелью, домашними принадлежностями. Он работал не отрываясь только двадцать пять лет. И что это была за прелесть! Что за чудо! Это настоящий дом со всеми мелочами, со всем голландским комфортом, до малейшей безделицы. Здесь были обои, сделанные на утрехтских фабриках Белье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами, серебряная посуда была отлита в нарочно приготовленных самим Брандтом формах, которые он потом уничтожил. Фарфор был выпущен из Японии. Этого мало, даже книга была напечатана в Майнце такая, что ее можно было спрятать в ореховую скорлупу. Потом хрустальная люстра, отделанная с удивительным искусством, клетка, в которой и муха едва могла бы поместиться, столовая комната с мраморным полом, чайный стол со всем прибором, картинная галерея, кабинет редкостей, спальня с кроватью, убранный самыми роскошными тканями, и проч. Окончив все это, Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа эта окончена, и просил позволения представить ее государю. Петру Великому в то время было не до игрушек – он находился в походе. Резидент, получивший в Петербург известие о том, велел, прежде доклада царю, осведомиться, сколько Брандт хочет взять за свою работу. Такой вопрос огорчил художника, двадцать пять лет жизни посвятившего на эту работу и по богатству своему не имевшего нужды в деньгах, он не захотел после этого посылать в Петербург свое произведение, которое, таким образом, осталось в Голландии и, как любопытная вещь, показывается путешественникам в Гааге.

Возвращаясь опять к характеристике Н-на, мы находим, что иногда на вечера к нему собиралось немало оригиналов и чудачков того времени, он ловко умел их вызывать на разговоры и воспоминания. Так, у него бывала одна старушка княгиня, которая в молодости была

страстно влюблена в Потемкина и выпросила у него на память голубую ленту, с которой всю жизнь не расставалась ни днем ни ночью. Притом, эта барыня отличалась необыкновенною скаредностью и не шила себе платьев чуть ли не с кончины великолепного князя Тавриды, вместо чепца носила она на голове шлык из платка – платье было заплатанное, грязное, и при всем своем неряшестве носила через плечо на груди потемкинскую ленту. Он особенно покровительствовал также всем вралям и собирал их для потехи целыми десятками на свои вечера. В последние годы своей жизни Н-н предался модной тогда страсти к вызыванию духов и столоверчению. Он беседовал с духами посредством столиков и тарелок с укрепленными в них карандашами. Он вызывал большею частью умерших своих друзей – Пушкина, Брюллова. Исписав горы бумаги, он вскоре сжег все написанное и отслужил в доме молебен. После этого он познакомился с одним евреем-доктором, известным тогда в Москве и проживавшим в глуши – в Сокольниках. Этот эскулап привлекал к себе богатых москвичей тем, что будто бы нашел средство делать золото и при лунном свете, с помощью розы сгущать его на левой ладони руки в настоящие рубины. Н-н оказался одним из первых его адептов, он полюбил алхимию. Доктор стал тянуть у него деньги и обирать последние его крохи. При алхимических опытах он говорил ему:

- Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.
- Какое же это растение? – спрашивал Н-н.
- Баранец.
- Что это за баранец?
- Трава, которая пищит по зарям, как ребенок, когда вытаскиваешь его корни.
- А где можно ее достать?
- В Азии, на горах.

– Что ж, – произносил решительно Н-н, – мы можем туда съездить. В скором времени я получу с князя десять тысяч рублей.

- Будем надеяться!

Н-н, получив эти деньги, повез их доктору, но последний за разные мошенничества был выслан на жительство в Сибирь. Н-н приуныл. Скоро полученные деньги были истрачены, кредита также нигде не было. Жил тогда в Москве полковник К., человек более чем богатый, добрый, известный франт и волокита до поездки за границу, но сделавшийся отъявленным филантропом по возвращении в Москву, про него ходили слухи, что будто он, как и Ч-ев, принял католичество. К., по первому требованию, вручал по пяти рублей бедным офицерам и по десяти – штаб-офицерам. Н-н стал обращаться к нему в критические минуты.

– Подай вспомоществование бедному штаб-офицеру, Александр Степанович, – говорил он серьезным тоном. Н-н получал постоянно от К. этот пенсион, когда приходила ему крайняя нужда. К. тоже был большой оригинал. Перед смертью Н-н опять получил довольно порядочное наследство, принимал к себе калик перехожих, странников, странниц и разных бродяг, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Известный граф Аракчеев, о котором в свое время иначе не говорили как шепотом и пред домом которого, на Литейной, проезжая мимо, всякий сдерживал дыхание и затаивал мысль, – отличался большими странностями. Аракчеев очень боялся отравы и за обедом каждое блюдо, прежде чем его начать, давал немного своей собачке Жучке¹ и после того уже ел сам; даже после стола, когда подавали кофе, то он сперва отливал немного собаке на блюдечко и после того уже пил из своей чашки.

¹ Впоследствии у графа была другая собака – Дианка. Памятники этим собачкам «верному Жучку» и «милой Дианке», с чугунными изображениями и мраморными плитами, находятся в его саду в Грузине. Под конец жизни Аракчеева любимым его четвероногим другом был Азор.

Аракчеев безмерно любил быструю езду – в свое Грузино из Петербурга он ездил в восемь часов. Грузино от Петербурга отстояло на 121 1/2 верст; выезжал он постоянно из столицы в 6 час. утра, и в 2 часа пополудни был уже у себя в Грузине, – ему выставляли поставу на каждой полустанции. Таких верст между Петербургом и Грузино он сделал во всю свою жизнь около 90 тысяч. Был еще и другой такой любитель скорой езды – это военный генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков; за такую страсть последний поплатился жизнью, нажив смертельную болезнь в почках. Корсаков, несмотря на частые приезды в столицу из дальней Сибири, во всю свою службу не проехал и четверти того расстояния, что сделал на лошадях Аракчеев.

В числе странностей Аракчеева была какая-то во всем азартная поспешность, а затем ранжир. Он не только людей, но и природу подчинял своему деспотизму. Когда Грузинское имение поступило к нему, то ровнять и стричь было главной его заботой: ни одно дерево в саду, по дороге и деревням не смело расти выше и гуще назначенного ему Аракчеевым; сад и все деревья в имении по мерке стриглись. Деревни все он вытянул в прямую линию, и если случалось по необходимости сделать поворот, то он шел или под прямым углом, или правильным полукругом.

Все старое было истреблено с корнем – следов не осталось прежних сел и деревень; даже церкви, если они приходились не по плану, были снесены, а кладбища все заровнялись так, что не осталось и следов дорогих для родных могил. Немало было пролито и слез, когда солдаты ровняли кладбища; многих старух замертво стаскивали с могил, так они упорно отстаивали эту святыню, по русскому поверью. Берега реки Волхова, на которых было расположено имение, были покрыты лесом. Аракчеев приказал вычистить берега; лес рубился на свал и сжигался на месте. Все распоряжения были невозможно бестолковы. Так, канавы копались зимою, во время морозов, дороги насыпались в глухую осень под проливными дождями. Деревни строились разом и с такою поспешностью, точно будто к смотру!

Помещичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева был написан свой талмуд для крестьян, в котором излагались мельчайшие правила на все случаи жизни крестьянина, даже, напр., как и кому ходить в церковь, в какие колокола звонить, как ходить с крестным ходом и при других церковных церемониях. Несколько тысяч крестьян были превращены в военных поселян: старики названы инвалидами, взрослые – рядовыми, дети кантонистами. Вся жизнь их была поставлена на военную ногу – они должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме. Например, на одном окошке № 4 полагалась занавесь, задергиваемая на то время, когда дети женского пола будут одеваться. Обо всех мелочах в жизни каждого крестьянина Аракчеев знал подробно; в каждой деревне был шпион, да еще не один, который являлся лично к самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовал о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе в России от Чудова до Грузина было построено руками его крестьян. Строено оно было на остатки сумм, отпущенных на военное поселение. Обошлось оно в миллион рублей ассигнациями. Подряд взял голова грузинской вотчины или, вернее, сам Аракчеев, потому что барыши он брал себе, а задельная плата поступала в банк за бедных должников: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачем? Они и без того были богаты. Чистого барыша от этой постройки Аракчеев взял 600 тыс. рублей, остальные 400 поступили в банк за долги. Аракчеев любил ссылаться на свою бедность и бескорыстие. Так, при вступлении на престол императора Николая I, Аракчеев недомогал, в это время при дворе с особенным участием стали заботиться о расстроенном его здоровье и настойчиво советовали ему ехать за границу для лечения. Аракчеев говорил, что у него нет на это денег, тогда в уважение его стесненных обстоятельств ему было выдано высочайшее пособие в размере 50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеев пожертвовал эти деньги в Екатерининский институт, а чтобы вывернуться из затруднительного и неловкого положения,

предложил чрез министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровый сервиз, подаренный ему императором Наполеоном I, мотивируя свое предложение тем, что сервиз с императорским гербом неприлично иметь в частных руках. Предложение Аракчеева было принято, и сервиз куплен, и ему пришлось отправиться за границу. За границей Аракчеева принимали более чем равнодушно, здесь он, желая напомнить о своем прежнем величии, напечатал в Берлине по-французски письма к нему императора Александра I. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование императора и окончательно подорвал его поприще. Когда Аракчеев выезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном выезде его из Франции или изломать их и отдать ему. Он выбрал последнее, но когда таможенный служитель стал разбивать серебряный чайник, он пришел в бешенство, бросился на него и схватил за горло. Сопровождавшие Аракчеева с трудом освободили его. По возвращении своем из-за границы Аракчеев, лишенный уже всех своих должностей, проводил время уединенно, развлекаясь только в обществе молодых экономок. Так влачил дни до своей кончины этот замечательный человек, только не по уму и способностям, как говорит Михайловский-Данилевский в своих записках, цитируя слова императора Александра I, а по усердию и трудолюбию, по холодности и жестокости, по отсутствию мысли в действиях, по привязанности к одной форме и внешности.

Глава II

Суевер и педант Н.И. Д-ов. – Боязнь его встреч с духовенством. – Манера его менять на себе сорочку. – Чудачества генерала В.Г. Костенецкого. – Спартанская его жизнь. – Феноменальная его сила. – Подражатель странностям Суворова, князь Г.С. Волконский. – Другой такой же чудака граф М.Ф. Каменский. – Странности генерала Вельяминова. – Простота графа Платова.

Всеми Петербургу, лет шестьдесят тому назад, был известен своими эксцентрическими странностями и своим служебным педантизмом, превосходившим самый педантизм известного графа Аракчеева – генерал Н.И. Д-ов, бывший начальником всех кадетских корпусов. Одно из главных его чудаществ было, на котором он был помешан до смешного, что он вылитый портрет императора Наполеона I, сходство некоторое он имел с этим государем, но не до того поразительное, как он полагал. Кроме этого, он был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы, как знак благополучия. В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового. К числу других его предрассудков принадлежал в особенности тот нелепый русский предрассудок, который считает встречу с священником самым несчастным предзнаменованием. Рассказывали хорошо знавшие этого генерала люди, что неоднократно, выехав со двора и увидев из окна кареты переходящего ему дорогу священника, он выскакивал из экипажа, спрашивал у батюшки с почтительнейшим видом благословения и затем убедительнейше упрашивал его сесть в его карету. Как только священник исполнил его желание, Д-ов приказывал кучеру скорее ехать домой.

Приехав к себе, он учтиво высаживал священника из экипажа и вводил его в свои комнаты, где в одной из комнат с одною дверью он, делая вид, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказание, быстро выходил из комнаты и столь же быстро запирает дверь на ключ, который брал в карман, суверенный в том, что этот священник уже не перейдет ему дорогу, сам быстро уезжал туда, куда призывали его дела. Такие похищения духовных лиц долго подавали повод к весьма странным недоразумениям. Затем уже местное духовенство (генерал жил на Васильевском острове) и причты, завидя высокую карету четверкою цугом, с двумя лакеями в военных ливреях на запятках, навастривали лыжи и быстро утекали, чтобы не попасть на несколько часов под ключ его высокопревосходительства.

Он имел весьма оригинальную манеру менять на себе сорочку. Камердинер должен был держать перед ним чистую таким образом, чтобы он мог вскочить в нее. Д-ов, сняв рубашку, отходил от слуги шага на три, крестился, бросался к сорочке и опять назад, и так до трех раз; в третий раз он вскакивал в растопыренную перед ним рубашку и уже оставался в ней. В доме у него, находившемся в Москве, на Басманной, там, где теперь Константиновский межевой институт, была образная, наполненная множеством икон, размещенных в несколько ярусов. Однажды в образной с ним находился священник, к которому Д-ов был расположен. Генералу пришлось в голову приложиться к какому-то образу, находившемуся наверху. Он был в затруднении, как это исполнить, уже хотел было приказать снять образ, но священник заметил, что это совершенно лишнее и что в подобном случае достаточно одного усердия почтить святыню. Что же делает генерал? Он складывает пальцы, целует их и посылает образу воздушный поцелуй.

Генерал очень любил играть в карты и, отправляясь на игру, входил предварительно в свою образную и там пред образом молился о выигрыше, обещаясь, в таком случае, принести ему в жертву какое-либо украшение.

Во время стоянки кадет в лагере вернейшее средство удержать его от прихода к кадетам, на которых он наводил тоску постоянными и однообразными нравоучениями, было положить на пути от его палатки к лагерю кресты из соломинок или из чего придется. Увидя такой крест, Д-в обыкновенно возвращался назад.

В числе больших причудников был известен в русской армии в царствование Александра I генерал В.Г. Костенецкий. Жизнь вел он необыкновенно оригинальную: одевался в длиннопольный военный сюртук и носил какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнат зимою никогда не топил, и ему в них не было холодно. Возле крыльца дома была всегда наметена большая куча снега, и он как только поутру встанет с постели, т. е. с жесткого кожаного дивана, с такой же головной подушкой, без простыни и одеяла, тотчас же отправляется голым в эту кучу снега и в ней барахтается, и когда потом войдет в комнату, то пар идет с него, как после бани. Чай пил он тоже не по-обыкновенному: он обходился без чайника, клал чай прямо в стакан, наливал его горячей из самовара водой, и когда чай настаивался, тогда он пил его без сахара и потом жевал чайные листья. Пища его была самая простая: борщ, каша и изрезанная говядина. Водки и вина не пил вовсе. Костенецкий, несмотря на свой миролюбивый характер, боялся мщения и предполагал, что его когда-нибудь да отравят. Чтобы предупредить такую опасность, он хотел приучить себя не бояться никакой отравы, и для этого он носил всегда в кармане кусок мышьяку, который ежедневно поутру лизал языком по несколько раз, каждый день постепенно увеличивая количество лизаний, и таким способом довел себя до того, что уже довольно значительный прием мышьяка, который был бы смертельным для всякого другого человека, на него не производил никакого вредного действия. Он производил преоригинальные учения. Рано на заре он приказывал находившемуся при нем трубачу трубить тревогу, указывал куда скакать батарее, а сам, вскочив на коня, скакал туда во весь опор и, прискакав на место, в поле долой с коня – и голый катался по траве и росе. Это была его суворовская утренняя ванна. Между тем, батарея по тревоге летела туда же во весь опор и находила уже К-го выкатавшимся на росе, одетым и на коне, и тотчас же начиналось ученье все на марш-марше и по-боевому. Вдруг К-ий командует: «№ такой-то ранен!» И этот № должен был слезть с лошади и пешком отойти в сторону, а другой заступить его место. Затем опять команда: «№ такой-то убит!» И убитый должен был упасть на землю и лежать, а другой заступить его место, и подобно тому в этом же роде. Генерал Костенецкий был высокого роста, широк в плечах, стройный и красивый мужчина с самым добрым и приветливым лицом и обладал необыкновенною физической силою. Характера был доброго, имел нежное сердце, но вспыльчив в высокой степени. Человек он был с сильными страстями, любил женщин, а еще более был любим ими, по никогда не был женат. Он был страстно влюблен в красавицу княжну Р-в и вел себя как влюбленный юноша-прапорщик, давая пищу насмешкам всего лагеря под Красным Селом. Генерал служил в артиллерии, знал превосходно свое дело и был в полном смысле военным. Много ходило в то время рассказов о его необыкновенной физической силе; он разгибал подковы, сгибал серебряные рубли. Однажды, в Киеве в одном обществе дамы, желая подшутить над ним, поднесли ему на тарелке очень искусно сделанную каменную грушу и просили его скушать. Костенецкий, заметя обман, взял грушу в руку и, как бы нечаянно раздавивши ее, воскликнул – ах! – какая она мягкая.

Один из случаев его жизни рассказан Михайловским-Данилевским. В одном из сражений с французами в 1809 году, когда на батарею, которою он командовал, бросились польские уланы, перебили всю прислугу и, разумеется, взяли бы батарею, Костенецкий, схвативши банник, начал валять им направо и налево, многих перебил, а других прогнал. Когда император Александр Павлович благодарил его за такой подвиг, он сказал государю, что надобно бы ввести в артиллерию вместо деревянных железные банники. Государь возразил ему: «Мне нетрудно сделать это, но где найти таких Костенецких, которые могли бы владеть ими!» Генерал Костенецкий носил в обществе кличку всеславянского генерала и был известен шутками

вроде таких: cabinet (как бы нет), domestique (дом мести) и т. д. Этими корнесловами известный адмирал Шишков хотел в свое время доказать, что все языки происходят от славянского. Костенецкий умер в Петербурге от холеры в 1831 году.

Великий Суворов, отличавшийся, как известно, большими странностями, которые даже у его современников рождали сомнения, в здравом ли он уме, имел также многих подражателей. Особенно в ряду таких отличался чудачествами старик князь Гр. Сем. Волконский, живший долгое время в Оренбурге и командовавший тамошними войсками. Он вставал также рано, как и Суворов, и тотчас отправлялся по всем комнатам и прикладывался к каждому образу. Между тем все форточки в его доме были открыты, и в комнатах дул сквозной ветер. К вечеру ежедневно у него служили всенощную, при которой обязан был присутствовать дежурный офицер. Обедал он не раньше семи часов. Выезжал к войскам во всех орденах и, по окончании ученья в одной рубашке ложился где-нибудь под кустом и кричал проходившим солдатам: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любил ходить в худой одежде, сердился, когда его не узнавали, выезжал в город лежа на телеге или на дровнях. Вообще корчил Суворова. Во время кампании 1806 года он просил императора назначить его командовать действующей армией. Император, ввиду его старчества, ласково отказывал; старик не унимался, писал письма к покровительствовавшей ему императрице, жаловался, что Аракчеев мешает ему служить отечеству и проч.

Другой подражатель Суворова был уже фельдмаршал граф Михаил Федорович Каменский, личность бесспорно талантливая, с большим знанием военного дела и личную храбростью, но необыкновенно честолюбивая и крайне нервная в обращении с людьми. Императрица Екатерина II не любила с ним разговаривать. Вот что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменского: «к нам будет скучнейший человек в свете». Король прусский отзывался о нем: «это молодой канадец, однако же, довольно вылощенный». Император Павел любил Каменского, а граф Аракчеев был большой почитатель его воинских талантов. Каменский был строгий служака и педант, он в частной жизни подражал Суворову и также часто оригинальничал и юродствовал. У себя в деревне фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один, в кабинет его никто не впускался, кроме камердинера, у дверей комнаты были привязаны на цепи две огромные меделянские собаки, знавшие только его и камердинера. Он носил всегда куртку на заячьем меху, покрытую голубою тафтою, с завязками, желтые мундирные штаны из сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом, с двумя форейторами, лакей сидел на козлах, он имел приказание не оборачиваться назад, но смотреть на дорогу.

Чудачества Каменского этим не ограничивались – он также пел на клиросе, ел за столом сам только простую грубую пищу и очень оскорблялся всяким невниманием к его заслугам. Так, когда перед второю турецкою войною императрица послала ему в подарок пять тысяч золотом, он захотел показать, что подарок слишком ничтожен, и нарочно истратил эти деньги на завтраки в Летнем саду, к которым приглашал всех, кто ему попадался на глаза.

Вызванный для войны с Наполеоном, предпринятой для защиты Пруссии, он явился в Петербург и поместился в убогом помещении, в третьем этаже, в плохой гостинице. Женат он был на княгине Щербатовой, и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги виделись довольно редко, однако плодом их супружества были дочь и два сына. Старшего сына отец не любил и, по рассказам Энгельгардта, однажды, когда сын уже был в чинах, граф публично дал ему двадцать ударов арапником за то, что он не явился в срок по какому-то служебному делу. Младшего сына, известного театрала, граф очень любил. Каменский никогда не был любим никем за свой крутой и вместе вспыльчивый и жестокий нрав – фельдмаршал, как и многие вельможи того времени, был не разборчив в своих связях и подпал под влияние грубой необразованной и некрасивой простой женщины Граф М.Ф. Каменский очень верно обрисован Л.Н. Толстым в его романе «Война и мир» под именем князя Волконского.

Большими странностями также отличался командующий на Кавказе и в Черномории генерал Вельяминов, известный славный сподвижник войн 1812 и 1814 гг. Проживая в Ставрополе со всем штабом, генерал высказывал много оригинального в своем характере.

Так, он имел привычку говорить почти всем «дражайший», и его видали только тогда, когда он отправлялся в экспедицию против горцев, иначе он не выходил из комнат занимаемого им дома. Отправляясь в экспедицию, когда спрашивали его подчиненные генералы: «Куда?», он отвечал им: «Дражайший! Барабанщик вам это укажет». В походе он ходил подобно Наполеону I: сверх мундира в сером коротком сюртуке. У него был открытый стол, к которому приглашались все небогатые офицеры и штабные. Сам он никогда не выходил к столу, и кушанье с этого стола не вкушал, а ему подавали в его кабинет одно особое кушанье – ужа, так называемого желтобрюха, под желтым соусом, откормленного прежде молоком. Это кушанье он чрезвычайно любил. Вельяминов был одинок и умер от полной апатии ко всему.

Герой отечественной войны знаменитый атаман донцов граф М.И. Платов был большой оригинал во многих привычках своей жизни, происходя из казаков, он ревниво оберегал патриархальные нравы своих соотечественников и щеголял настоящей казацкой речью, часто очень нецензурной. Образ жизни его был самый простой. Когда армия наша покинула Москву и первопрестольная столица осветилась заревом пожара, Платов зарыдал, объявив всем окружающим его: «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку – живого или мертвого – за того выдам дочь свою!» Это восклицание главного вождя дошло до Англии, и в 1814 году появился в Лондоне портрет девицы в национальном донском костюме с надписью «мисс Платов», «по любви к отцу – отдаю руку, а по любви к отечеству – и сердце свое». Впоследствии эта дочь Марья Матвеевна вышла замуж за донского генерала Т.Д. Грекова. В 1814 году Платов в свите императора Александра I ездил в Лондон, откуда привез молодую англичанку в качестве компаньонки. Известный партизан Денис Давыдов выразил ему удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. Я скажу тебе, братец, отвечал он, это совсем не для физики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная, а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба.

Тот же Денис Давыдов рассказывал, что когда Ростопчин представлял Карамзину Платову, атаман, подливая в чашку свою значительную долю рому, сказал: «Очень рад познакомиться, я всегда любил сочинителей, потому что они все пьяницы».

Глава III

Военные повесы былых времен. – Герой Нечеволодов. – Полковник А-н. – Проказы К.Я. Бултакова

В доброе старое время отличительную черту характера, дух и тон кавалерийских офицеров – все равно, была ли это молодежь или старики – составляли удалство и молодечество. Девизом и руководством в жизни были три стародавние поговорки «двум смертям не бывать, одной не миновать», «последняя копейка ребром», «жизнь копейка – голова ничего!». Эти люди и в войне, и в мирное время искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удалством. Любили кутить, но строго помнили поговорки «пей, да дело разумей», «пей, да не пропивай разума». Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы иногда и не следовало, все это входило в состав военно-офицерской жизни мирного времени. Молодые кавалерийские офицеры, по характеристике Ф. Булгарина, в молодости служившего в уланах, и сами того не зная, были почти то же, что немецкие бурши, они точно также вели вечную войну с «рябчиками», т. е. со статскими, как бурши с филистерами. Эта молодежь нашей кавалерии и знать не хотела никакой власти, кроме своей полковой и высшей военной, беспрестанно противодействуя полиции. Буйство хотя и подвергалось наказанию, но не считалось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных условных границ. Стрелялись редко, только за кровные обиды, за дело чести, но рубились за всякую мелочь. После таких дуэлей обыкновенно следовала мировая, шампанское и т. д. Дуэль еще больше скрепляла товарищескую дружбу. По замечанию современников, в те годы не каждый решился бы говорить дурно про товарища и, хотя бы и не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. За офицера одного полка сразу вступались по десятку товарищей. Офицеры в полку принадлежали одной семье, у них все было общее – честь дух, время, труды, деньги, наслаждения, неприятности и опасность. Офицерская честь ценилась очень высоко. Офицер, который бы изменил своему слову, не вступился бы в потребную минуту за однополчанина или обманул кого бы то ни было, положительно не был терпим в полку. В случае крайности, офицеры складывались и платили денежный долг товарища, который впоследствии выплачивал им свой долг. Столпами службы в те времена были эскадронные командиры, многие из них были зрелых лет старики, прошедшие очень суровую военную школу и не раз надевавшие за дуэли и проказы солдатскую шинель, такие в критическую минуту и заменяли молодым офицерам «отцов командиров» не по одной пустой кличке. У эскадронных командиров, по установившемуся издавна обычаю, всегда был открытый стол для своих офицеров; обеды были, по-ложим, неприхотливы: щи, каша, биток да стакан вина. В кавалерии, по отзывам современников, жили не только весело, но отчасти и бестолково; щеголеватость фронта, разные тонкости и порядки в муштре и в службе перенимались армией у гвардии, но выпадали годы особенно после походов, когда и гвардия жила «по-армейски», подражая походной бивуачной жизни. Например, в старину существовал обычай в среде товарищей, хотя и знавших французский язык, говорить между собою всегда по-русски, в силу того принципа, что они – русские офицеры и служат русскому царю и отечеству, тех же, которые употребляли всегда французский язык вместо русского и старались отличиться светскою ловкостью, прозывали «хрипунами». Вообще, чванство, надутость, фанфаронство, важничанье не были терпимы в полках.

В описываемое александровское время у молодых военных повес была великая страсть к так называемым «гросс-шкандалам» с немцами. Петербургские бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екате-

рингофе и Красном Кабачке, военная молодежь ездила туда как на охоту. Начиналось обыкновенно с того, что заставляли дюжих маменек и тетушек вальсировать до упаду, потом подпайвали мужчин, наконец, затягивали хором: «Freut euch des Lebens»,² упирая на слова «Pflücke die Rose»³ – и пошло волокитство, а в конце концов обыкновенно следовала генеральная баталия с немцами. После кутежа всю ночь напролет тройки разлетались в разные стороны, и к девяти часам утра ночные повесы, как ни в чем не бывало, присутствовали на разводе – кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Гатчине. Через несколько дней обыкновенно приходили в полк жалобы, и виновные тотчас же сознавались по первому спросу. Кто был там-то – лгать было стыдно. На полковой гауптвахте частенько бывало тесно от арестованных офицеров. По словам кавалериста той эпохи, в Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках господствовал тогда особый дух и тон. Офицеры этих трех полков принадлежали к высшему обществу, отличались изяществом манер, утонченной изысканностью и вежливостью в отношениях между собою, многие владели французским языком лучше, чем русским. Офицеры же других полков показывались в обществе только по временам, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь нараспашку. Конногвардейский полк держался нейтрально, соблюдая смешанные обычаи. Но зато лейб-гусары, лейб-уланы, лейб-казаки, измайловцы и лейб-егеря жили по-армейски и следовали тому духу беззаветного удальства, который являл собою главнейшую черту военного характера этой эпохи, которую так пылко и ярко воспел в своих стихах Денис Давыдов. О поведении кавалергардских офицеров сохранилось много рассказов; особенно шалости их в Новой Деревне и на Черной речке в свое время наделали много шума. На Черной речке в конце двадцатых годов по ночам стал разъезжать черный катер с поставленным на нем черным же гробом; гребцы, сидевшие с факелами около гроба, все заунывно пели «Со святыми упокой» и этим будили и пугали крестьян и дачниц... Вскоре узнали, как это рассказывает в своих воспоминаниях дочь графа Толстого, что факельщики эти были не кто иные, как молодежь-кавалергарды, а в гробу почил не покойник, а шампанское. Днем они тоже не сидели спокойно, а с криками и шумом галопом носились на своих собственных пожарных трубах, все стоя на ногах, в сюртуках без эполет, в голубых вязаных шерстяных беретках с серебряными кистями. Проказы молодых повес нередко пробирались и на дачи, где тогда жили актрисы французского театра. По тогдашним рассказам, веселая мундирная молодежь иногда пробиралась ночью в палисадник хорошенькой дачки, занимаемой одною известною итальянскою певицею, и, сняв осторожно ставни, любовались ночным туалетом красавицы; то устраивали засады в женских купальнях, то врывались через окошко в спальню какой-нибудь молоденькой дамы и затем учтиво извинялись ошибкой, полагая, что здесь живет их товарищ. Подобные проказы сходили в то время зачастую без особых последствий, но кто-то раз довел о них до сведения великого князя Михаила Павловича; тот доложил государю, и дело разыгралось для повес совсем неожиданным образом. Однажды ночью их всех потребовали в ордонанс-гауз, и когда они явились, без дальних объяснений посадили их на почетные тележки вместе с фельдъегерями, и борзые тройки умчали их из Петербурга. Из таких шалунов был отправлен на Кавказ поручик Жерве; последнего вез целые две недели угрюмый фельдъегерь, не говоря куда он везет, и только когда он перенесся через Кавказские горы и приехал в Карагач и сдал его полковому командиру, Жерве узнал свою участь.

Многие из таких военных повес ссылались на Кавказ с лишением офицерского звания, прямо рядовым; понятно, это делалось не без суда. Из числа таких людей, замечательным по превратности своей судьбы, как рассказывает В. Потто, был некто Нечеволодов, служивший на Кавказе в 1822 г. Когда ему было более сорока лет, он был только простым рядовым. Жизнь его была полна приключений. Родился он в 1781 году, в Харьковской губернии, и жил в родитель-

² Радуйтесь жизни (нем.).

³ Срывай розу (нем.).

ском доме брошенным без всякого призора. Рос он веселым, буйным и своенравным ребенком; четырнадцати лет от роду его взял к себе дядя, к великой радости соседей, не имевших от него покоя. Через четыре года Нечеволодов был уже офицером и участвовал в походе Суворова; здесь, при защите крепости Бреста, он поместился в амбразуре и, как отличный стрелок, бил оттуда французов на выбор, но вдруг ядро, пущенное с неприятельской батареи, сбilo амбразуру, и ветхая каменная стена рухнула и придавила его; его вытащили полураздавленного и едва живого. В Италии Нечеволодов участвовал с Суворовым не раз в сражениях, переходил с ним Альпы, Чертов мост и из уст знаменитого полководца несколько раз слышал благодарность и похвалу. Окончил войну поручиком с брильянтовыми знаками св. Анны 2-й степени на шее, – награда в этом чине в то время была исключительная; пред ним развертывалась блестящая военная карьера, но обстоятельства сразу разрушили все честолюбивые надежды. Семейные предания смутно передают только, что это была какая-то роковая дуэль, чуть ли не с родным братом, окончившаяся тем, что он получил сабельные удары в голову, а противник был изрублен насмерть. Нечеволодов был лишен чинов, орденов и сослан в далекий пустынный город Колу. Жизнь ему здесь не понравилась, и он бежал на корабле в Англию, где, не имея средств к существованию, нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. Его сюда хотя и манили помыслы, но план службы ему не удался. Слух о его похождениях дошел до нашего посла, графа С.Р. Воронцова, и он потребовал его к себе. Воронцов сумел оценить ум, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, отговорил его от его мечтаний, взял с собою в Россию и выпросил ему у императора Александра I полное помилование. В 1803 году он был определен с прежним чином в 20-й егерский полк, но ордена не были ему возвращены. К этому времени относится первая его романическая женитьба на одной из польских магнаток, графине Тышкевич. Гордая родня не соглашалась на брак с русским, но Нечеволодов, при помощи товарищей, увез графиню из ее великолепного замка и повенчался с нею в бедной деревенской церкви. Пока шло венчание, церковные двери были заперты наглухо и, на случай погони за беглянкой, стояли у них на страже офицеры-товарищи. Затем наступают непрерывные боевые походы и ряд новых сражений, в которых он добывает себе старые суворовские ордена, чин капитана.

В 1813 году он находился в составе летучего корпуса Платова. Кампания не обошлась для него без новых ран и увечий. Под Лейпцигом он в одной из атак был окружен французами, сбит с лошади тупым концом пика, и через него пронесся целый уланский полк; каждый француз считал своим долгом кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударов этих было так много, что Нечеволодов был превращен, можно сказать, в кусок битого мяса. Но, при быстрой скачке французов, ни один удар не был смертельным; Нечеволодов догадался надвинуть на голову кивер и этим, быть может, обязан спасением себе жизни. Через несколько дней, несмотря на раны, он с лихвой отплатил неприятелю – он со своими солдатами положил лоском более 280 человек и 180 нижних чинов с офицерами и полковым командиром были им захвачены в плен. Он за это дело получил вторично орден св. Владимира и чин подполковника. Но страшная судьба опять вмешивается в блестящую его карьеру. По возвращении из Франции он был переведен в один из драгунских полков, где он и проиграл 17 тыс. казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые. Государь, помня его молодецкую боевую службу, приказал перевести его на Кавказ, где, после одного геройского дела, Ермолов просил о полном и безусловном его помиловании, но его только произвели в прапорщики – и после четырех лет службы он возвратился в полк опять майором и с теми орденами, что заслужил еще при Суворове. Нечеволодов кончил жизнь в 30-х годах в с. Карагаче, на Кавказе; он был женат вторично на черкешенке.

В двадцатых годах командовал правым флангом большой чудач генерал-лейтенант Засс, имя которого туземцами произносилось стрепетом и им даже пугали маленьких детей. В доме его постоянно преобладала какая-то таинственность; часто случалось, что при гостях его вызывали, и он вдруг пропадал на неделю и более. В его комнатах и во всех углах постоянно дежу-

рили загадочные лица. Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболее уважения и страха, а эти два чувства сильно действуют на толпу. Про него существует много рассказов, почти половина которых, конечно, выдумки, но во всех их проглядывает какое-то таинственное влияние, которого и добивался Засс. Он разными шарлатанствами успел уверить всех сынов Кавказа, что сам знает с шайтаном и может узнавать их сокровеннейшие мысли. Часто он дурачил у себя диких горцев с помощью новейших открытий наук и не пренебрегал ни электрической машиной, ни вольтовым столбом, ни гальванизмом. В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа постоянно на пиках торчали черкесские головы и бороды их развевались по ветру. Тяжело и грустно было смотреть на это отвратительное зрелище. Войдя однажды в его кабинет, как рассказывал один из его друзей, все были поражены каким-то нестерпимым отвратительным запахом, но хозяин, смеясь, вывел всех из недоразумения, сказав, что люди его, вероятно, поставили под кровать ящик с головами, и, в самом деле, вытащил пред гостями огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на всех своими стеклянными глазами.

– Зачем они здесь у вас? – сказал кто-то из присутствующих.

– Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и друзьям-профессорам моим в Берлине.

Шутки Засса, нельзя сказать, чтобы отличались большим разбором и нередко могли стоить жизни человеку, с которым они были сыграны. У него проживал в доме старинный друг его, майор в отставке; майору, наконец, надоела вечная суета у Засса, и он решил расстаться с другом и уехать в ближайший город. Приближались праздники, майор получил приглашение от Засса приехать погостить к нему и отпраздновать Мартына Лютера жареным гусем с яблоками и черносливами. Майор собрался и пустился в дорогу; не доезжая до станицы, на экипаж мирного старого майора нападает партия черкесов, завязывают ему глаза и рот, берут в плен и связанного мчат в горы; пленник, окруженный толпою горцев, громко говорящих на своем варварском наречии, предан горькому жребию и был ни жив, ни мертв; наконец, он чувствует, что находится подле огня, который несколько его согревает, а шум и спор между похитителями продолжаются; вероятно, думает бедный старик, они делят меня и спорят о праве владеть мною. Но вдруг снимают с него повязку и, к удивлению майора, представляется кабинет Засса и он сам, довольный, смеющийся генерал и много казаков. Майор рассердился на злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва было не рассорился со своим другом, который только и умилился своего разгневанного земляка-курляндца, что если б, чего Боже сохрани, подобная беда разразилась бы над майором в самом деле, то дружба заставила бы непременно освободить его из плена. Вкусно приготовленный гусь помирил друзей, однако майор долго прохворал от душевных тревог или от несварения желудка – неизвестно.

В тридцатых годах проживал на Кавказе отставной полковник, некто А-ни, родом рагузинец, долго служивший в Черногории. Этот человек был замечателен тем, что очень счастливо играл во все игры в карты. По недоверию к нему играющих, когда приходила очередь сдавать ему карты, то он надевал на руки перчатки. Игру в карты и разными пари он составил себе очень недурное состояние. Много денег он выиграл, держа самые сумасбродные пари. Так, он раз держал заклад, что проведет целый год на лошади, отдыхая только пять часов в сутки, – и выиграл. В другой раз он держал пари, что взойдет на крутую гору, делая три шага вперед и два назад, – и тоже выиграл. Он бился на заклад в несколько тысяч, что, привязанный к двум лошадям, он проскачет известное расстояние вскачь, рискуя быть разорванным во всякую минуту, – и тоже выиграл. Он держал пари в Таганроге с известным богачом А-ки, что в течение полугода будет питаться маслинами и корнем салапа, первых съедая полфунта, а второго пять золотников, и тоже остался с выигрышем.

В тридцатых годах в гвардии служил блестящий офицер Константин Яковлевич Булгаков, большой повеса и остряк, которого великий князь Михаил Павлович называл ужасное

дитя. Фарсы Бултакова почти ежедневно рассказывали все в городе, разумеется, люди военного общества. Вот несколько проказ Бултакова. Раз, после попойки, он возвращался пешком с двумя приятелями из гостей ночью по Петербургской стороне. В числе его приятелей был известный силач артиллерист Чагин. Вдруг увидели они круглую будку будочника со спавшим в ней часовым, отложившим в сторону свою алебарду. Им пришло в голову, в особенности Бултакову, своротить будку на землю, но так, чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каков был Чагин, им это удалось. Бедный будочник в этой могиле поднял страшный крик, разбудивший всех окрестных дворников, поднявших будку и освободивших полумертвого часового. И только дядя Бултакова (почт-директор) упробил тогда обер-полицмейстера замять эту историю, кончившуюся смехом.

Из числа анекдотов о бултаковских повесничествах известен следующий. Император Николай Павлович, заметив, что офицеры стали носить сюртуки до того короткие, что они имели вид каких-то камзольчиков, обратил на это внимание великого князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу был отдан приказ с определением длины сюртучных пол, причем за норму был принят высокий рост. Военные портные тотчас же смекнули ошибку в приказе и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорциональной росту заказчика. Но шутник Бултаков, рост которого был гораздо ниже среднего, потребовал от своего портного сюртука точь-в-точь с полами именно той длины, которая определялась приказом, почему полы его сюртука покрывали ему икры и он был карикатурен до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смех не только знакомых, но и незнакомых офицеров. Едва успел он два раз пройти в таком виде среди гуляющей публики по тротуару Невского проспекта, как попался навстречу великому князю, который, увидя его в таком шутовском наряде, воскликнул: «Что это за юбка на тебе, Бултаков? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчик! Я шутить не люблю». – «Ваше высочество, я одет как нельзя более по форме и наказания, ей-богу, не заслуживаю», – возразил почтительно Бултаков, держа пальцы правой руки у шляпы, надетой по форме. «Я одет согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вот доказательство!» При этом он вынул из кармана пресловутый приказ и подал великому князю. Его высочество, прочитав приказ, засмеялся, назвав Бултакова шутком гороховым и приказал ему вместо гауптвахты тотчас же ехать к корпусному командиру и чтобы тот немедленно сделал дополнение к приказу с обозначением трех родов роста.

В другой раз, Бултаков, куда-то торопившийся, забыл вдеть в португепю шпагу и шел по улицам без шпаги. На беду его встретил великий князь. «Офицер расстается с своею шпагой или саблей только в двух случаях: в гробу и под арестом!» – воскликнул он. – «В гроб тебя я не положу, а на гауптвахту посажу, но прежде отправления на гауптвахту в Чекушу, я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру и полковым командирам всей гвардии. Садись ко мне в коляску». Бултаков сел в коляску великого князя, который и привез его в Михайловский дворец и, сказав: «ты мой арестант», оставил его в своем кабинете, а сам вышел в приемный зал, где его уже ожидали полковые командиры, ежедневно являвшиеся к нему перед разводом. Великий князь долго говорил им о распушенности гвардейских офицеров и в подтверждение своих слов обещался показать одного такого. Говоря это, он отворил дверь своего кабинета и позвал Бултакова, который смело выступил для осмотра. «Любуйтесь, любуйтесь вашим офицером», – сказал великий князь полковому командиру Московского полка, где служил Бултаков. Генерал, осматривая провинившегося офицера со всех сторон и во всех подробностях, не находил провинности в амуниции.

– Ну, видел, каков молодец! На месяц на гауптвахту.

– Ваше высочество, – объяснил полковой командир, – я не нашел в нем никакой ошибки.

– Ты и не мог найти того, чего нет, – вскричал великий князь. – А где же его шпага?

– Шпага на своем месте, – отвечал начальник Бултакова. И действительно Бултаков был при шпаге. Великий князь назвал его новым Пинети, приказал командиру взять шпагу и воз-

вратить тому офицеру, которого арестовал вчера, и ославил его шпагу в кабинете у себя, позабыв отослать к коменданту.

– А все-таки пусть Пинети отправится на гауптвахту на Сенную, и я, может быть, постараюсь одурачить этого фокусника.

На другой день Бултаков отбыл свое дежурство как нельзя более счастливо. Но, однако, спустя некоторое время Бултакову снова надо было быть в дежурстве на той же гауптвахте. День пришелся как раз в именины Бултакова, и вот, зная, что великий князь в Павловске, Бултаков устроил такой фестиваль, что перепоил всех, включая солдат и арестованных. Великий князь, ночью возвращаясь из Павловска, заехал на Сенную, где нашел всех полупьяных и спящих; он распорядился, за отсутствием часового у барабана, своему лакею взять барабан и отвезти его в Павловск. На следующее утро в Московском полку получается приказ, чтобы к 12-ти часам полк был на полковом дворе в сборе. Бултаков, проспавшись, понял, какое ожидает наказание. Он призывает к себе одного из рядовых, у которого на дежурстве пропал барабан. Рядовой во всем полку пользовался репутацией отъявленного вора. Бултаков обещал ему 25 руб. награды, ежели до смотра барабан будет, а если нет, то получит строгое наказание. Часа через два рядовой имел двадцатипятирублевую бумажку. Он ловко украл его в Гвардейской артиллерийской батарее. При осмотре рота была с барабаном. Изумленный великий князь потребовал объяснения у Бултакова, который, принимая вину на себя, объяснил, как было дело. В другой раз великий князь встретил кутящего в компании, в ресторане, Бултакова в сюртуке за несколько верст от лагеря. «Как ты здесь, Бултаков, ведь ты в лагере дежурный по полку! Хорош гусь, хорош!» И вслед затем он крикнул кучеру: «В лагерь, живо, к Московскому полку». – Коляска быстро донесла великого князя до лагеря, гневный великий князь крикнул: «Дежурные по полкам сюда!» Мигом все дежурные в форме собрались к великому князю, и в числе их был и Бултаков. Великий князь глазам своим не верил и, вышедши из коляски, отозвал Бултакова в сторону и сказал ему: «Даю тебе, Бултаков, слово, что тебе ничего не будет за твою неисправность, скажи мне только, каким образом ты здесь в одно время со мною?» – «Самым простым образом, ваше высочество, – отвечал Бултаков, – вы сами меня привезти изволили в вашей коляске, только на запятках». Существовал и другой вариант такого же случая с Бултаковым. Однажды его высочество был в театре, и, к его удивлению, Бултаков сидел напротив в ложе, хотя, по распоряжению великого князя, должен был сидеть на арсенальной гауптвахте под арестом. Великий князь выходит из театра и едет на гауптвахту. Бултаков опять в караульной. Его высочество возвращается в театр, и снова Бултаков напротив него в ложе; великий князь вторично едет на гауптвахту и опять застаёт Бултакова спокойно сидящего под арестом. Удивленный этим, великий князь спрашивает Бултакова: «Я тебя прощу; скажи, как ты это сделал?» – «Очень просто, ваше высочество, я всякий раз ехал у вас на запятках». В другой раз великий князь встречает его на Невском; Бултаков делает ему фронт, великий князь замечает, что он одет не в порядке; он сажает его к себе в сани, Бултаков не успел еще сесть, как великий князь оттолкнул его и уехал. «Ну, что?» – спрашивает его товарищ. «Его высочество лично хотел посадить меня под арест и приказал сесть к нему в сани, а я нечаянно наступил ему на мозоль, он меня выбранил, а я ему в ответ: имею счастье доложить вашему императорскому высочеству, что надо мной оправдалась пословица: „Не в свои сани не садись“, его высочество рассмеялся и оттолкнул меня».

Михаила Павловича немало забавляла находчивость этого офицера.

Однажды Михаил Павлович встречает Бултакова у Аничкина моста. На этот раз его высочество видит, что Бултаков в полной форме с головы до ног. «Ваше высочество, – говорит он, подойдя к нему, – осмелюсь просить оказать мне великую милость: дозволейте пройти с вами по Невскому». – «Для чего тебе это нужно?» – спрашивает его великий князь. – «Чтоб поднять мой кредит, который сильно упал». Великий князь дозволил ему дойти до Казанского моста.

В двадцатых годах особенным повесничеством отличались армейские гусары; изящная внешность мундира, щедрость, лихость и беззаветная удаль были отличительными их признаками; жизнь кавалеристов тех годов текла, как веселый пир. Удаль гусарская посейчас слывет чуть не пословицей. Вероятно, неизвестен читателям факт, как один молодой офицер побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу, и выиграл пари. По рассказам современников, гусары в Варшаве устраивали на улицах целые облавы на женщин, оставляя более красивых в плену; в евреев, приходивших за получением долгов, прямо стреляли, только не пулями, а солью; по узким мостовым носились в карьер на четвернях, сокрушая все попадавшееся на пути. Для развлечения в театр привозили с собой громадные астрономические трубы и в них рассматривали дам. Известный эксцентрик гусар Лунин иначе не выходил гулять в Вилановский парк, как в сопровождении большого ручного медведя: владельница его приказывала запираť все окна и двери при виде косматого гостя на прогулках. Изобретательность гусар достигла однажды до того, что они устроили бал в одном из губернских городов в квартире командира полка и пригласили весь город. Чтобы избавиться от ревнивых взоров маменек, папенок и тетушек, а также, чтобы иметь более свободного пространства для танцев, придумано было следующее: когда гости съехались и мамы чинно расселись с ридикюлями в руках по длинным, обтянутым сукном, скамьям с платформами, раздались страшный визг и крики: десяток дюжин гусар вздернули на блоках всех маменек на платформах к потолку, где они оставались во все время бала и только с птичьего полета могли наблюдать за танцующими. В старые годы не только что юный корнет проказничал, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже в генеральских чинах.

Глава IV

Эксцентричности князя В-ского. – Странности графа Бенкендорфа. – Замечательная рассеянность графа Лонжерона и графа Остермана. – Оригинал Козловский

Из оригиналов двадцатых годов в Петербурге был довольно известен вельможа екатеринских времен, князь В-ий, генерал-аншеф, отличавшийся различными эксцентричностями, которые, впрочем, не мешали ему быть всеми любимым за его доброту и ум. Князя можно было встретить во всякую пору года разъезжавшим по Петербургу с обнаженной седою как лунь головою, высокий лакей в военной ливрее, стоявший на запятках, держал торжественно над его головою генеральскую шляпу с огромным белым султаном. Сам же князь почти всегда имел в руке калач, морковь или яблоко, которое изволил жевать во время езды в открытой коляске, запряженной шестернею с двумя форейторами, предлинноногими парнями, а горбатый кучер-карлик с подвязанною черною широчайшею бородою сидел на козлах и покрикивал на форейторов.

У В-го была одна загадочная привычка, которая была всеми замечена. Каждое утро, ровно в 11 часов, появлялась на Невском его коляска, в ней сидел один князь. Поравнявшись с собором, коляска поворачивала налево и, подъехав под колоннаду, которая выходит на Казанскую улицу, останавливалась под колоннами. Там генерал выходил и на некоторое время скрывался за экипажем. Проходящие по улице обходили колоннаду. Затем князь садился в коляску и уезжал обратно. Это случалось каждый день, час в час, минута в минуту.

Этот князь, будучи андреевским кавалером с времен императора Павла I, так любил этот орден, что носил его звезду не только на мундире, но и на шубе, халате, ватном сюртуке, надеваемом на случай холода. Князь очень любил быть на воздухе, несмотря ни на какую непогоду, и у себя в саду он обедал, ужинал и проводил большую часть дня. Посещавшим его гостям тоже нередко приходилось делить с ним там часы, и когда гости видимо зябли с ним, он приказывал подавать свои теплые вещи, сюртуки, халаты с нашитыми звездами. Таким образом, все прозябшие его гости превращались в импровизированных андреевских кавалеров.

В числе лиц отличавшихся необычайною рассеянностью, известен отец графа А. Хр. Бенкендорфа, один из самых близких людей при дворе Павла Петровича и Марии Федоровны. Однажды он был у кого-то на балу. Бал окончился довольно поздно, гости разъехались. Остались друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор не вязался, оба хотели отдохнуть и спать. Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предлагает, не пойти ли им в кабинет. Бенкендорф, поморщившись, отвечает: «Пожалуй пойдем». В кабинете было им не легче. Бенкендорф, по своему положению в обществе, пользовался большим уважением. Хозяину нельзя было сказать ему напрямик, что пора ехать домой.

Прошло еще несколько времени, наконец хозяин решился ему заметить:

– Может быть, экипаж ваш еще не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам свою карету.

– Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою. Дело объяснилось, оказалось, что Бенкендорф воображал, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашел на почту узнать, нет ли там писем на его имя. «А как ваша фамилия?» – спрашивает его почтмейстер. «Моя фамилия», – повторяет он несколько раз и никак ее не может вспомнить, с тем и уходит

из почтамта. На улице встречается он с знакомым, у которого он и спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту.

В последние годы своей жизни, проживая в гор. Риге, ежегодно в день тезоименитства и день рождения императрицы Марии Федоровны он писал ей поздравительные письма. Но он был чрезвычайно ленив на письма и, несмотря на верноподданнические чувства, очень тяготился этою обязанностью, и когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Он часто говаривал: «Нет, лучше сам отправлюсь в Петербург с поздравлением. Это будет легче и скорее».

Известный одесский военный генерал-губернатор граф Ланжерон также был чрезвычайно рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что нередко делало его очень, смешным и подавало повод к разным анекдотам и комическим сценам.

Раз у него был обед, на котором было несколько иностранных негоциантов. За обедом он выхвалял удовольствия одесской жизни и, указывая на негоциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озадачен просьбою о прибавке ему столовых денег – «А не дадут мне прибавки, я этим господам, – стал он мыслить вслух, – и этого не дам!». При этих словах схватил с тарелки своей косточку, оставшуюся от котлетки.

Кто-то застал его в кабинете – он сидел с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, и после подобного размаха повторял на своем ломаном русском языке: «Нье будет, нье будет». Что же оказалось? Он пробовал, как бы подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если бы его пожаловали в это звание, и вместе с тем чувствовал, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

В другой раз, чуть ли не в заседании какого-то военного совета, заметил он собачку под столом, вокруг которого сидели присутствующие члены. Сначала он неприметно для других стал пальцами призывать ее к себе, затем стал ласкать, когда она подошла, и вдруг, причмокивая, обратился к ней с ласковыми словами. Все эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В турецкую войну, в армии, известно сказанное им во время сражения подчиненному, который неловко исполнил приказание, ему данное: «Вы пороуху нье боитесь, но за то вы его нье видумали».

Ланжерон был умный и довольно деятельный генерал, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами – он от них прятался или скрывался из дому, выходя по черной лестнице, и пропадал из дому на несколько часов. Во время турецкой войны молодой Каменский у него в палатке объяснял планы будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал французский журнал. Ланжерон машинально раскрыл его и напал на шараду. Продолжая слушать положение военных действий, он невольно занялся разгадыванием шарады. Вдруг, перебивая Каменского, вскрикнул он: «Что за глупость!» Можно представить себе удивление Каменского. Но вскоре дело объяснилось, когда он узнал, что восклицание относилось к глупой шараде, которую он разгадал.

Во время своего начальства в Одессе был он недоволен чем-то купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор «Какой ви негоцьант, ви маркитант, – начал он свою речь, – какой ви купец, ви овец», – и движением руки своей выразил козлиную бороду.

В приезд Александра I в Одессу, как рассказывал князь Вяземский, был приготовлен для него дом, занимаемый Ланжероном. Встретив государя и проводив его до кабинета, после разговора, продолжавшегося несколько минут, он откланялся, вышел из кабинета и, по своей привычке, запер дверь на ключ. Государь оставался несколько времени взаперти, но наконец постучался, и его освободили из заточения. Встречая же государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал в своих карманах и, не

найдя, сказал: «Право, не знаю, государь, куда положил мой рапорт». Император улыбнулся и пожал руку покорителю Монмартра.

Граф Ланжерон по происхождению был француз, вступил на службу при Екатерине в 1785 году прямо в чине полковника и вскоре успел в наших войсках стяжать славу храброго и распорядительного офицера. Граф Ланжерон участвовал почти во всех наших войнах при императрице и двух императорах и в течение многолетней своей боевой службы и девятнадцати сделанных им походов заслужил все знаки отличия и много сделал в мирное время в бытность свою градоначальником Одессы.

Граф Ланжерон, столько раз видавший смерть перед собою во многих сражениях, не оставался равнодушным перед холерою. Он так был поражен мыслью, что умрет от нее, что, еще пользуясь полным здоровьем, написал духовное завещание, начинающееся так: умирая от холеры и пр. Предчувствия его не обманули, уже в отставке, прибыв в Петербург в 1831 году, он внезапно заболел и скончался также скоростижно 4-го июля. Император Николай I приказал его останки похоронить в Одессе, в католической церкви.

Необыкновенною рассеянностью славился также граф Федор Андреевич Остерман. Особенно последняя одолевала его под старость, так что садясь в кресла, часто кричал, чтобы везли его в сенат, чесал за обеденным столом ногу у соседа, вместо своей ноги, плевал в его тарелку, выходил на улицу из кареты и более часа неподвижно стоял подле какого-либо дома, уверяя лакея, что он еще не кончил своего занятия, между тем как с крыши лил дождь, являлся иногда в гости в таком наряде, что приводил в стыд прекрасный пол, вступал с хозяином в ученый разговор и, не окончив, мгновенно засыпал. Остерман очень любил науки и вел переписку на латинском языке с митрополитом Платоном, у которого в старости учился богословию. Рассеянность его была просто изумительна. Однажды шел он по паркету, по которому было разостлано посредине полотно, он принял его за свой носовой платок, будто выпавший, и начал совать его в карман. Только общий хохот присутствующих дал ему опомниться. В другой раз приехал он к кому-то на большой званый обед. Перед тем как войти в гостиную, зашел он в уединенную комнатку. Там оставил он свою шляпу и вместо ее взял деревянную крышку и, держа ее под мышкою, явился с нею в гостиную, где уже собралось все общество. Граф Остерман, несмотря на свою безмерную доброту, иногда умел быть и злопамятным. Думая, что граф Кутайсов был его врагом в царствование императора Павла I, он его не принял к себе, когда тот сделал ему визит, проживая в Москве в царствование Александра I, но тотчас же после его визита прислал ему свою карточку. После того Остерман продолжал в большие праздники посылать ему ответные визитные карточки. Остерман жил очень открыто, и каждое воскресенье у него были обеды на пятьдесят и более кувертов. Раз кто-то, разговаривая с Кутайсовым о его странном платеже визитов Остерману, выразил удивление, что граф сам не поедет когда-нибудь в воскресенье обедать к гордому барину? «Ну, как я поеду? Остерман никогда не зовет меня». – «Э, ничего, – отвечал тот, – никто не получает приглашений на его воскресные обеды и все к нему ездят. У него дом открытый». Думал, думал Кутайсов и поехал к Остерману перед самым обедом. В гостиной Остермана тогда уже сидели все тузы и вся сила Москвы. Кутайсов вошел. Остерман как увидел незваного гостя, тотчас с приветствиями пошел навстречу к нему, усадил его на диван и, разговаривая с ним, через слово величал «ваше сиятельство, ваше сиятельство»... Долго ждали обеда... Наконец камердинер доложил, что кушанье готово. «Ваше сиятельство, – сказал Остерман Кутайсову, – извините, что я должен оставить вас, теперь я отправляюсь с друзьями моими обедать». И, приветливо обращаясь к другим гостям, проговорил «Милости просим». Граф Кутайсов остался один в гостиной. Он не помнил, что с ним было и как его привезли домой.

Отец этого Остермана, известный дипломат, отличался тоже большими странностями и необыкновенною неряшливостью. Комнаты его были постоянно не прибраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях, серебряная посуда, которую он каждый день употреблял, походила

на оловянную, и только в торжественные дни был у него порядочный обед. Одежда графа, особенно под старость, так была замарана, что поселяла во всех отвращение.

Такими же странностями страдал и другой дипломат александровской эпохи, князь Козловский, внук того человека, которого Екатерина отправила к Вольтеру как образец русского просвещения и русской вежливости. Князь Козловский признан был в обществе одним из умнейших людей своего времени, разговор его был исполнен разнообразия, огня и красноречия. Князь был в милости у императора Александра I, которого забавлял своими остроумными выходками. После венского конгресса Козловский занимал место русского посланника при штутгартском дворе, позднее провел он довольно много времени в Англии. В этой стране он был предметом разных карикатур. Эти карикатуры впрочем относились более до его физического сложения и необыкновенного дородства. Так, например, в одной из них он был представлен танцующим с княгиней Ливен, которая была очень худошавая. Под карикатурой была надпись долготы и широты России. Вигель про него говорит, «он всегда смеялся и смешил, имел, однако же, искусство не давать себя осмеивать». Несмотря на свое обжорство и умышленный цинизм в наряде, которым прикрывал он бедность или скупость, Козловский блистал остроумием во всех салонах избранного петербургского общества. Жуковский и князь Вяземский часто навещали его и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтавшуюся в воде эту огромную человеческую массу. Пред нами, говорит Вяземский, копошился морской тюлень допотопного размера. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тут уже не было ни малейшего следа, ни тени англomanии. Он лежал в затасканном и засаленном халате, из-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Стол обставлен и завален был головными щетками, окурками сигар, объедками кушанья, газетами. Стояли склянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В нелюбопытной простоте виднелась здесь и там посуда вовсе не столовая, и мебель вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам, и еще каких дам, самых высококоротенных и самых изящных. Все это забывалось и исчезало при первом слове чародея, когда он в живой и остроумной беседе расточал сокровища своих воспоминаний и наблюдений.

Глава V

Чудачества Андрея Борисовича. – Живой скелет. – Таланты моряка Б-на. – Оригинал К-ий. – Поэт-эксцентрик Кр-ов. – Его прошения министрам. – Золотопромышленник Н-ов и его банкеты

В Москве, в тридцатых годах, проживал восточный человек, не то армянин, не то переkreщенный персиянин, по имени Давьяк, по профессии колдун, предсказатель и алхимик. В его квартире можно было найти все атрибуты средневекового волшебника и астролога. У него в полумрачной комнате, с очагом в середине, сидела на печке сова, был и ручной ворон, черный кот и другие аксессуары колдунов и ведьм. Несомненно, что Давьяк был большой шарлатан, но интересны были и его посетители, ездившие к нему, чтобы узнать свою будущую судьбу и секрет делать золото и драгоценные камни. Одним из самых ревностных посетителей этого кудесника был некто Андрей Борисович, некогда очень богатый барин, масон-филантроп, у которого от прошлых времен оставалось только знатное имя, важный чин, многочисленная, богатая родня, но очень мало денежных средств, чтобы расточать их по-прежнему и вправо и влево, с полною барскою щедростью. Главною целью Андрея Борисовича было стремление на пользу страждущего и бедствующего человечества. Мистик от рождения, он более всего вдавался в месмеризм, в переселение душ. Его библиотека была полна книгами, в которых говорилось о таинствах природы. Сведенборг и Эккартсгаузен были его любимыми авторами. Он с трудолюбием пчелы высасывал все, что только было заманчивее его воображению и недоступнее простому человеческому смыслу. Дитя сердцем, он постоянно окружал себя детьми и бегал от взрослого человечества, только одних детей он считал честными и благородными, хотя эти честные и усердно обкрадывали его сад и оранжереи. Заботливость о детях была очень оригинальна. Он был крестным отцом всей своей деревни и давал своим крестникам такие мудреные для крестьян имена, что последние так и умирали, не умея правильно затвердить своего названия. У него был крестный сын то Фусик, то Садик, то Тихик, то Зотик, то Капик, то Псой, то Дада, то Кукша, то Пуд. Крестницы его именовались: Стадулиями, Праскудиями, Кикилиями, Пуплиями. «Ишь имена какие выбирал наш барин, – говорили крестьяне. – Ум за разум у него зашел, не знаем, когда и праздновать их именины». И в такие минуты обращались к барину, спрашивая, когда надо праздновать их именины. Барин торжественно разрешал их сомнение. «Как, бишь, твоего сынишку-то зовут?» – спрашивал, бывало, он пришедшего. «Да Кукшею, ваше сиятельство, его именовали», – отвечал крестьянин, тоскливо махнув рукой. «Празднуется 21-го августа. А твой?» – обращался барин к пришедшей бабе. «Уж и не выговоришь, батюшка! Сиглия, кажется». – «Сиглии нет, – отвечал, бывало, барин, – Сиглитикия – так есть. Празднуется января 5-го, октября 24-го». – «В какое же число праздновать прикажете, ваше сиятельство?» – «А когда родилась Сиглитикия?» – «Да в самой серединке. Месяцы-то мы плохо помним». – «Ну, так 5-го января праздновать надо». – «С панталыку спятил наш барин», – говорили крестьяне. И, действительно, добрый к своим крестьянам, попечительный и заботливый, он последние годы стал сходиться с ума. Он завел у себя на дому школу для своих крестников и крестниц, но вместо того, чтобы учить их грамоте, он приказал им затверживать параграфы масонской ложи, к которой он сам принадлежал, строго наблюдая, чтобы эти параграфы были твердо заучены. Барин хотел всех своих крестьян сделать масонами и образовать их верными сынами отечества. Наставления его не были многочисленны и ограничивались всего тремя параграфами. Под конец он даже впал в галлюцинацию: ему стали представляться ожившие души, с которыми он будто бы беседовал и прозревал будущее, а то мысли

его бродили в подземном пространстве, и ему виделись гномы, над которыми он воображал себя властелином. На гномах, созданных кабалистами, и сосредоточились все его любимые мечтания и надежды. Когда строилась московская железная дорога, он подавал прошение генералу Клейнмихелю, предлагая ему сотрудничество своих подчиненных гномов, уверяя своим честным словом, что эта сволочь, которая разрабатывает подземные жилы благородных металлов и бронзовых руд, будет гораздо полезнее всех инженеров и землекопов в мире. Он так часто подавал Клейнмихелю прошения, что его даже формально просили не предлагать более своих услуг. Разумеется, на такой ответ он сильно негодовал и каждому из своих знакомых, встречая, жаловался: «Вообразите, мне отказали, я бы с ними кончил дорогу менее, чем в год. Вообразите, на этой неделе они в моей спальне праздновали свадьбу; вообразите, вернулся я от Давьяка усталый и лег; вдруг слышу шороху моей постели; открываю глаза и вижу, что к моему матрацу маленькие существа приставляют лестницу. „Что вам нужно?“ – вскрикнул я в изумлении. – „К вам с покорнейшей просьбою: позвольте нам сыграть у вас свадьбу, в вашей спальне“. – „Как это можно? – возразил я. – У нас есть другие комнаты“. – „Нам их не надо, – отвечал один, – необходимо только одно ваше присутствие“. Нечего было делать, я согласился, вижу через несколько минут вся моя спальня осветилась, из всех щелей вылезли маленькие уродцы, все одежды их блистали золотом, брильянтами, изумрудами, вдруг явились столы, сервизы и пошел пир, мысли мои мешались, я начал дремать под их музыку, как слышу, что кто-то ползет ко мне на кровать, то был гном, он тащил с собою три огромных мешка с брильянтами, рубинами и изумрудами, с просьбою принять их в знак благодарности, и сунул ко мне под подушку, я чувствовал, как голова моя высоко поднялась от этих мешков. „Только берите завтра их левою рукою, ваше сиятельство“, – добавил мне гном и скрылся». «А наутро нашли вы ваше сокровище?» – спрашивали барина. – «Нет, вообразите, я полез под подушку правую рукою, позабыв главное условие». Андрей Борисович под конец своей жизни занялся составлением жизненного эликсира, благодаря которому хотел прожить Мафусаиловы годы; он был убежден, что молодеет, принимая какую-то вонючую жидкость, он даже начал танцевать, чтобы показать, что молодость к нему возвращается, и собирался жениться; он умер, говоря, что секрет бессмертия им найден.

Лет сорок назад в Гостином дворе и по Апраксину, по линиям, бродил худой старик из отставных чиновников, по рассказам, некогда занимавший довольно видное место в служебной иерархии, но за какие-то проступки принужденный покинуть службу. Эта личность имела одну замечательную физиологическую способность; он мог по неделям и более ничего не есть, а также употреблял непременно пищу испортившуюся, прокислую и с запахом. Для него купцы нарочно гноили мясо, пироги, которые давали ему, и он все это истреблял у них на глазах; ему нередко предлагали по полусотне протухлых яиц, которые он съедал не поморщась, даже со скорлупой. Этот субъект однажды был найден на улице умирающим и страшно худой, видимо от голода. Подобные приключения, кажется, нельзя отнести к довольно редким, но в данном случае представляется одна редкая своеобразная сторона. Дело в том, что этот отставной чиновник до того исхудал от ненормальной пищи, что тело его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомических занятий. Он попытался воспользоваться этим как средством для своего существования, и в своем небольшом углу начал за известную плату показывать себя как живой скелет. Спекуляция удалась гораздо лучше, чем можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы, но и доктора приходили исследовать этот живой костяной остов. Спустя несколько лет у него было достаточно средств, чтобы удовлетворить свой голод, но, увы, благословение обратилось ему в проклятие. Чем он больше ел, тем, конечно, становился жирнее, пока, наконец, принужден был прекратить свое ремесло, и так как в сытые дни он ничего не скопил, то и принужден был возвратиться к своему старому ремеслу уличного нищего. На этом поприще его и унесла смерть.

В тридцатых годах текущего столетия, в петербургском высшем обществе был известен офицер-морьяк Б-н, красавец собой, очень образованный, владевший свободно несколькими языками. Это был, что называется, «душа общества», он имел, кажется, все веселые таланты, был забавный рассказчик, прекрасный музыкант на нескольких инструментах, комический актер, редкий чревовещатель, очень искусно подражавший пению многих птиц, жужжанью пчелы, мухи, лаю собак, мяуканью кошки и проч. Куда бы он ни появлялся, его неистощимая веселость и таланты всюду вносили всеобщий смех и веселье. Пел он превосходно как романсы, так и комические куплеты, ловко подражая немцам, евреям, англичанам, в роли пьяного англичанина он был неподражаем. Все свои песни, рассказы он исполнял с художественной мимикой, его густые черные волосы на голове отличались необыкновенной подвижностью и сползали, как парик, на лоб и на бока, стоило их только тронуть. Он мог свободно шевелить и своими ушами. Он устроил в кругу своих приятелей тайное общество «кавалеров пробки», все члены которого носили в петлице сюртука пробку. Заседания этого веселого общества происходили в доме известного богача Н-на, жившего в своем роскошном палаццо, вблизи Исаакиевского собора. Члены этого общества садились между дам и пели известную застольную песню. «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить вино, обними сосед соседа, сосед любит пить вино». После каждого припева по уставу исполнялось пропетое. Автор этой песни был Б-н, и он же был гроссмейстер общества. В то время часто практиковалось у разгулявшихся господ под конец попойки хоронить напившихся мертвецки пьяными, и вот таких импровизированных похорон был всегда режиссер Б-н, он костюмировал всех и учреждал кортеж. Опьяневшего до бесчувствия несли со свечами, с пением, все серьезные, и хоронили летом в сене, а зимою в сугробе снега. Б-н впоследствии долго жил в Сибири, и по возвращении умер в Петербурге чуть ли не девяностолетним стариком, в большой бедности, любимая его страсть была в последние годы читать Библию и Иоанна Златоустого, которого он знал чуть ли не наизусть. Родная сестра его отличалась поэтическим талантом и писала стихи.

В описываемые годы в Петербурге славился умом и отличной способностью писать превосходным слогом бумаги, в особенности проекты, некто К-ий, человек небольшого роста, приземистый, толстенький, рябой, с чрезвычайно узким лбом и блистающими карими глазами. Он был сын сельского священника и долго служил в канцелярии начальника Главного Штаба, где в самое короткое время, благодаря своим замечательным талантам, достиг чина действительного статского советника, но вскоре был уволен в отставку и над ним учредили опеку. Он жил на Петербургской стороне в своем богатом доме. К нему нередко езжали за советами министры и значительные сановники, как, напр., Е.Ф. Канкрин, А.И. Татищев, А.А. Аракчеев, баронет Виллис и многие другие. Он имел значительное состояние, хорошие экипажи, лошадей, но сам ходил всегда пешком, более чем в нищенском наряде; под байковым сюртуком он надевал все свои ордена и, вдобавок, на груди носил нарамник еврейского первосвященника, называемый эфудом, с двенадцатью драгоценными камнями, которые символически изображали двенадцать колен Израиля. В его кабинете стены были окрашены в семь цветов, также и все вещи в его комнате были в количестве семи штук: семь свечей, семь стульев, семь столов и т. д. Он имел слугу одну женщину экономку, которая на него имела большое влияние и вмешивалась во все его дела, даже по службе, что, как говорили тогда, и послужило к выходу его из штаба. Он умер в конце тридцатых годов и в духовном своем завещании назначил похоронить себя в гробе с изображением на нем двенадцати крестов. Несомненно, что он принадлежал к числу каких-то сектантов.

Между нашими морьяками в начале текущего столетия был известен большой остряк и поэт, некто Кр-ов. Выпущен он был из Морского корпуса еще в 1796 году. Он бойко владел стихом, но имел несчастную страсть придерживаться чарочки; эта-то страсть и сгубила его. Прослужив до 1805 года во флоте, он вследствие неодобрительной аттестации своего командира был отставлен от службы с тем же чином. Положение его в отставке было самое печальное:

он, не имея никаких средств и по милости своего аттестата, даже не мог получить никакого частного места. И вот в этом-то бедственном состоянии он и начал подавать прошения всем тогдашним министрам. Прощения были настолько оригинальны и курьезны, что списки с них в свое время ходили по рукам в тогдашнем обществе. Вот извлечения из некоторых писанных им к высокопоставленным лицам прошений. Так, к министру юстиции князю Лопухину он писал: «Светлейший князь! Тебе Фемида вручила весы свои, яко мудрому патриоту, взвешивающему тяжесть истины. Прикинь на чашу правосудия хотя золотника три твоего внимания к бедственной моей участи и исторгни жребий мой из урны злополучия» и т. д. К министру внутренних дел Козодавлеву он писал: «Если бы взяли на себя труд анатомировать и раскрыть порученную в ведомство ваше внутренность, сколько бы вы нашли в недрах ее испорченных сильную несправедливостью кишок, вы бы увидели, что мой тощий желудок трое суток страдает спазмами, сколько бы вы нашли поврежденных нервов в порученной вам внутренности, служащей для варения всеобщего благоденствия, но угнетение остановило в них кровь патриотического усердия. Я уверен, что ваше превосходительство пришлете мне спасительную микстуру». Взывал он и к министру народного просвещения Завадовскому: «Тебе премудрая Минерва вручила факел просвещения, дабы посредством одного невежество наше преобразовал ты в пепел и озарял истинные таланты, в которых у меня, грешного, крайняя недоимка. Воспитывался я в Морском корпусе, учили меня всему и, не хочу обманывать, чтобы я чего не понял, но такое множество приобретенных мною наук, при настоящих обстоятельствах, столько же делают мне пользы, сколько голодному запах жареной говядины. Я всем систематически доказываю, что мне надобно дать место, надобно дать пропитание, мне философски отвечают: – подожди до завтра! Я посредством математических истин, для убеждения бессовестного нашего откупщика, в просьбе моей, послал к нему пропорцию: как тощий мой желудок к толстому его животу, как пустой мой кошелек к его кошельку, который почти тучнее самого хозяина, невежа натурально мое предложение опроверг каким-то порядком скупости. Я доказываю, что без пропитания должен умереть с голоду, мне метафизически отвечают: умирай, это обыкновенное дело; смерть – есть общий удел человечества! Я одного богатого доктора (который за самый пустой рецепт не берет меньше десяти рублей) старался посредством химии убедить, что голод есть такая пища, которой желудок не варит; он, чтоб не дать мне ни копейки, помощью медицины доказал, что нет ничего для здоровья полезнее, как самая строгая диета». К министру финансов графу Васильеву он писал: «Девять лет я болтался, плавающая на дне между „водяными“, наконец пузырь моего счастья лопнул, я всплыл на верх злополучия и нашел себя из водяных выключенным! Прикажите, ваше сиятельство, поместить меня в „лесные“, крайность моего положения превосходит меры. Я хотел поступить к какому-нибудь помещику в „домовые“, но все говорят, что по аттестату своему не гоюсь и в „лунастики“. Товарищу министра морских сил П. Чичагову он докладывал в прошении: „Девять лет ходил я по морю, аки по суку, во все сие время дул для меня чистый фордевинт; наконец, в последние три месяца плавания нашел шквал и бурною капитана N аттестациею бросило меня на мель отставки. Теперь десятый месяц без руля, без мачт, без провизии, без такелажа, и, что всего печальнее – экстраординарной ни копейки! В сем критическом положении неоднократно заводил верп, в намерении притянуться к какому-нибудь департаменту, но в аттестате моем грунт коллегского мнения так невыгоден, что якорь самой снисходительной доверенности не может задерживаться. Камень отчаяния у меня под носом; в просторном океане света не осталось никого, кто бы подал мне буксир сострадания“.

Мичман Кр-ов наконец был принят на службу, после прошения, поданного им министру военно-сухопутных сил Вязмитинову. Вот это прошение: «Целые шесть месяцев капитан N бомбардирован в укрепление моего поведения начиненными злословием его протестами. Я, по возможности, отпаливался добрыми аттестатами прошедшей девятилетней службы моей, но, наконец, он выбил меня из моих ретраншаментов, и я по необходимости ретировался в

отставку, в намерении в столице сделать новые укрепления, но ужасная бедность атакует меня на каждом шагу. Я отпаливался от сановников, пока не вышел весь порохтерпения. Я скорым маршем отправился на биваки в вашу прихожую, в надежде получить сикурс великодушного благоволения. Страшный мой неприятель – голод штурмует в моем тощем желудке и, предчувствуя свою скорую победу, кричит „ура!“. Если вы не подадите мне скорой помощи, то отчаяние примет меня в штыки!»

В сороковых годах в Петербурге проживал очень богатый иногородний купец Н-в. Он лет шесть был золотопромышленником; когда открылась в Сибири так называемая «золотая лихорадка» на Олекме, его поиски так были счастливы, что в пять-шесть лет он сделался миллионером. По приезде с приисков в Петербург он зажил по-барски. Дом его по изобилию всего просто поражал посетителя. Балы его напоминали нечто сказочное: еще далеко до его дома виден был свет от его палат, а у подъезда стояла целая праздничная иллюминация. Сам хозяин встречал гостей в передней и подносил каждой из дам по роскошному букету из камелий или других редких цветов. Все комнаты этого богача убирались и уставлялись цветами и деревьями, несмотря на зимнее время, здесь были в цвету бульденежи, сирени, акации, розы и другие цветы не по времени.

Освещение в комнатах было тоже поразительное, всюду горели карсельские лампы в таком количестве, что температура в комнатах была часто тропическая. Аромат в комнатах был тоже редкий, – точно на какой-нибудь парфюмерной фабрике, и для того, чтобы запах держался долго, на шкафах и под диванами всюду лежали благовонные товары, мыла, саше, пудра и т. д. На одно куренье комнату него выходило духов в вечер около полупуда. Мало того, что комнаты его представляли нечто вроде тропических садов, но, вдобавок, сады эти были оживлены пернатыми: здесь с куста на куст порхали ручные птицы, которые садились на плечи дам и пели громогласные свои песни. Возле зала была устроена большая уборная для прекрасного пола. В ней все высокие стены были зеркальные, кругом стояли столы, на которых лежало все, что душе было угодно – и перчатки, и башмаки, духи, помада, мыло, фиксатуар, шпильки в коробках, булавки, различные щетки, губки, и все это дамы брали у него даром. Но единственно, что было невыносимо в этих апартаментах, это духота; последняя происходила от ламп, которые своим светом превращали ночь в день; этому, впрочем, хозяин очень радовался – гостям ужасно хотелось пить. И амфитрион только и делал, что ходил по комнатам и кричал официантам: принеси гостям напиток. Но напиток воды здесь было нельзя. Хозяин говорил, что у нас воды и в заводе нет, а шампанского сколько угодно. Дамам, впрочем, было разрешено подавать ананасное прохладительное. Интересным к концу такого вечера был и ужин; последний состоял из бесконечного количества блюд. Любопытны выходили и дневные приемы этого золотопромышленника. Хозяин сидел в своем кабинете в мягких вольтеровских креслах. В халате из китайского атласа чуть не в три пальца толщины, светло-зеленого цвета, с золотыми фигурами, такой халат стоил тысячи три, по крайней мере. Мебель в его кабинете представляла ценность тоже немалую, что ни вещь, то золотая или серебряная, сигары гостям предлагались лучшие гаванские и величиною чуть не в поларшина, дорогая мадера, так называемая тогда «ягодная», ост-индская, в больших графинах стояла на столе. В углу помещался накрытый стол с разными закусками, салфеточной икрой, балыками и другими съедобными деликатесами.

Про этого золотопромышленника рассказывали, что он прежде был довольно бедный вязниковский разносчик-офеня, разбогатев так быстро на золотых промыслах, он не знал, куда девать деньги. Приехав в Петербург, он не имел никаких знакомых и каждое утро выходил на улицу и рассматривал физиономии проходящих, кто ему нравился, тех он звал к себе на обед. Если встречались бедные люди, ремесленники или просто рабочие, он начинал с того, что спрашивал каждого из них, сколько они надеются сегодня заработать в продолжении дня? Избрав, таким образом, до дюжины гостей мужчин, женщин и детей, он возвращался к себе домой с ними, выдавал рабочим плату за весь день, потом приказывал подать роскошный зав-

трак, после завтрака играла музыка и гости плясали до обеда, затем следовал богатый обед. Добродушный золотопромышленник говорил, что нет выше удовольствия, как видеть около себя людей довольных, счастливых и веселых.

Прожив так несколько лет в Петербурге и прожив только небольшую часть своих миллионов, он потом объехал всю Европу на своих орловских лошадях в богатом дормезе – цель его путешествия была изучение гастрономии – посетил все кухни, изведаль всю глубину этой науки, узнал все ее системы и методы и возвратился на родину все совершеннейшим гастрономом. Все служители в доме его были повара, лакеи, кучера и даже конюхи все умели готовить. Кроме того, он нанимал более десятка поваров всех наций. Но проесть всего своего состояния он все-таки не мог и, пожив несколько лет в столице, уехал умирать к себе на родину в Вязники или Ковров.

Глава VI

Вельможа-оригинал граф Литта. – Страсть его к мороженому. – Жертва предсказания гадалщицы или вечно спящий барин

В тридцатых годах на улицах Петербурга можно было встретить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государственного Совета графа Юлия Помпеевича Литта, известного главного деятеля в доставлении мальтийскому ордену покровительства императора Павла I. Граф Литта в высшем петербургском обществе являлся истинно блестящим обломком екатерининского двора. Современник его говорит: «Мы так привыкли видеть графа Литту в каждом салоне, любоваться его вежливым и вместе барским обхождением, слышать его громовой голос, смотреть на шахматную его игру, за которую он проводил целые вечера, любоваться его бодрю и свежю старостью, что невозможно было не вспоминать о нем каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало». Гр. Литта принадлежал к древнему миланскому роду, он с юности посвятил себя морской службе, в 1789 г. он переехал в Россию и отличился в войне с Швецией, под предводительством принца Нассауского, где заслужил орден св. Георгия 3-й степени и шпагу за храбрость. При императоре Павле он был вице-адмирал, кавалер ордена св. Александра Невского и граф Российской империи, в 1799 г. – наместником великого магистра Мальтийского ордена.

Граф Литта отличался несколькими эксцентрическими особенностями: во-первых, голос его громкий и сильный, звучный, густой, бархатный бас слышался везде и покрывал собою все другие не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Так, на гуляньях ли, в театрах, в первом ряду кресел у самой рампы оркестра, на постоянной прогулке по Невскому или Английской набережной, – везде всегда необыкновенно громко звучал его голос. Голос графа в обществе получил наименование «трубы архангела при втором пришествии». Во-вторых, граф, не будучи вовсе большим гастрономом, страстно любил мороженое и поглощал его страшными массами, как у себя дома, так везде, где только бывал. Так, во время каждого антракта в театре ему приносили порцию за порцией мороженого, и он быстро его уничтожал.

Граф считался баснословным потребителем мороженого – известные в то время кондитеры: Меццелли, Салватор, Резанов и Федюшин почитали графа своим благодетелем. Граф Литта жил совершенно в одиночестве в своем доме на Большой Миллионной, близ арки, в доме, теперь принадлежащем Министерству Финансов. Окна большого барского дома Литты никогда не были освещены и являли собой какой-то унылый и грустный вид.

Вдруг, в одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не более нескольких часов, к удивлению всех соседей, мрачный дом озарился огнями сверху донизу, загорелись и яркие плашки у подъезда графа. У римских католиков обряд приобщения святых тайн совершается с некоторою торжественностью, граф и приказал засветить все люстры, канделябры и подсвечники в комнатах, через которые должен был проходить священник со святыми дарами. Умирающий в памяти и совершенно спокойно приказал подать себе в спальню изготовленную серебряную форму мороженого в десять порций и сказал: «Еще вопрос, можно ли мне будет там в горних лакомиться мороженым!» Покончив с мороженым, граф закрыл глаза и перекрестился, произнес уже шепотом: «Салватор отличился на славу в последний раз» – и перешел в лучший из миров, где он не знал, найдет ли мороженое. Все огни погорели вместе с жизнью графа, и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада, в головах усопшего, освещавшая распятие.

Граф умер 24 января 1839 года. Император Николай I поручил барону М.А. Корфу, бывшему в то время государственным секретарем, опечатать и разобрать бумаги покойного, между которыми, как предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтийского ордена. Но ничего важного между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли в бумагах, это проект сочиненной им себе самому эпитафии следующего содержания: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprilis 1763, obiit in Domino... augusti 1836». На чем было основано это предсказание, впрочем, не сбывшееся, – неизвестно. Граф Литта, как видно из завещания его, оставил огромное состояние, которым был обязан не только своей женитьбе на племяннице Потемкина, рожденной Энгельгардт, но и собственному своему состоянию, а также своей расчетливости. Он отказал внучке своей, графине Самойловой, жившей постоянно за границей, 100 тысяч рублей ежегодной пенсии, затем по такой же сумме одновременно в пользу тюрьмы, в инвалидный капитал и для выкупа из процентов содержащихся за долги. 10 тыс. для раздачи бедным в дань его похорон, камердинеру 15 тыс. и пенсии ежегодно по 1000 руб. Но деревни, дом драгоценные движимости и огромные капиталы завещаны двум родным племянникам Литтам, жившим в Милане. Неизвестно только, что он оставил своему побочному сыну, известному провинциальному актеру Аттилу, имевшему громкую романтическую историю в конце шестидесятых годов. Граф Литта был в родственных связях со всею нашею русскою аристократиею. Племянник его, кн. Владимир Голицын, раз спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровым? Вы граф Литта, а он литограф».

В Москве была известна в тридцатых годах одна оригинальная личность, которая, где бы ни появилась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик, имевший много родных и знакомых. Одевался он по образцу инкрояблей времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками. Из жилетного его кармана торчала массивная золотая цепочка от двух дорогих золотых брегетов. Впрочем, часы, так как и цепочки, часто у него возобновлялись: обе эти дорогие вещи у него часто срезывались охотившимися по нем ворами в продолжение его суточных путешествий по разным улицам Москвы, несмотря на то, что он никогда не выезжал один, а в сопровождении двух гайдуков-лакеев и его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирного мопса. «Где ваши часы?» – спрашивали его знакомые. «Что-с?» – встрепенувшись от своей спячки прошамшит он. «Часы ваши где?» – «А! часы срезали, украли когда я был на похоронах». – «У кого это, где?» – «Не знаю, спросите у калмычки». Все знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали с рук кольца. Он вечно спал, но это сонливое состояние не было результатом болезненности организма и дряхлости лет, а просто следствием одного предсказания. В бытность свою в молодых годах в Париже он посетил известную предсказательницу Ленорман. Ловкая гадалщица, заметив его недалекость, позабавилась над ним вволю. Наговорив ему много приятного и неприятного, она, наконец, окончила свое пророчество словами, заставившими побледнеть нашего чудачка: «Теперь я должна вас предупредить, что вы умрете на своей постели». – «Когда? Когда? В какое время?» – спрашивает он в ужасе. «Когда ляжете на постель», – dokonчила, улыбаясь лукавая предсказательница. И вот с тех пор его покойная мягкая перина, подушки из лебяжьего и гагачьего пуха, шелковые одеяла были брошены и вынесены из квартиры, чтобы такие дорогие предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смеялись ему в глаза, упрекая его в легковерии и не раз доказывая ему, что по его богатству, положению и жизни нельзя было и ожидать другой более покойной смерти. Но слова Ленорман звучали в его ушах хуже погребального колокола. Он не внимал никаким убеждениям, и с тех пор на всех публичных собраниях в гостях, в театрах, – всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имевшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели. Образ его жизни был очень оригинален: он вставал почти со светом, проводя ночь в обществе, потому что ему было скучно без общества, тяжело и невыносимо было отдыхать в полусогнутом положении более часа. С утра закладывали ему четвероместную карету, и он уже выезжал во фраке и белом галстуке

в сопровождении своей калмычки и старого мопса Бокса. Без калмычки он не мог сделать шага, она убаюкивала его сон разговорами и сказками. Утренние его прогулки были по крику лакея: «Пошел по ельничку!» Кучер и фореитор двигались, объезжая столицу, отыскивая, нет ли где похорон. Из всех удовольствий ему нравился только процесс погребения, возможность поспать под унылое пение и проводить покойника до последнего его жилища. На обязанности калмычки также лежало, по возвращении домой, рассказать барину все виденное за день, сам барин этого не мог сделать, – он спал всюду. В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь беспросыпным положением его и присутствуя в церквях на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер. Больного его никак не могли уложить на постель. Он умирал, дремля, полусогнувшись на своем кресле и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на ее постели. Перед кончиной, несмотря на его последние усилия, на жалобный стон, на слезящиеся глаза, его все-таки силою уложили на кровать. Предсказание Ленорман сбылось после пятидесятилетнего добровольного нравственного мученичества.

Глава VII

*Чудачества помещика Т-ва и его братья. – Причуды графа
Михаила Румянцева. – Исторический чудака Чупятов. – Собиратель
сургучных печатей князь Гор-ов и его коллекция. – Камер-юнкер
«Рококо» и его похождения. – Чудаки: Поздняков и Новосильцев*

В числе других таких же чудаков, которые в силу какой-либо боязни по ночам не ложились спать и бодрствовали, к числу таких чудаков принадлежал богатый помещик Пензенской губернии Т-ь, который никогда не спал ночью, а ложился только тогда, когда все вставали. Чтобы ночью не дремать, он держал у себя в спальне кого-нибудь из своих дворовых, и они должны были стоять перед ним всю ночь на ногах, так как перед баринном сидеть неприлично. Правда, он их менял, призывая то одного, то другого по очереди, только бы не оставаться одному. Рассказывали, что он делал это из страха, причиною этого же была кровавая история, в которой он еще молодым человеком принимал участие говорили, что отец его был убит своею женою в сообществе с учителем-французом, с которым она была в нежных отношениях и за которого впоследствии вышла замуж. Это случилось, когда дети были еще маленькие, когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошеному отчиму тем же, т. е. отправили его на тот свет. Все четыре брата, участвовавшие в смерти отчима, были какие-то странные: лобызались друг с другом самым нежным образом, целовали друг у друга руки, а между тем постоянно судились, потому что не могли разделиться. Они не могли между собою сговориться даже в самых мелочах – деревянный двухэтажный отцовский дом они распилили на три части, так как не могли устроить, чтобы он достался в одни руки. Даже дети одного из них были тоже какие-то странные. Один уже женатый, живя в деревне, вместо развлечения, приказывал зашивать себя в медвежью шкуру и ходил на четвереньках по двору. Дворовые собаки, разумеется, бросались на него и рвали, и это доставляло ему удовольствие. С женою, на которой он женился по любви, влюбившись в нее в театре, где видел ее только один раз, он ссорился и мирился по несколько раз в день. И это делал он не только дома, но и в гостях, при чужих людях, делая их таким образом невольными свидетелями его семейной жизни, потому что ссоры происходили большею частью из ревности к кому только можно и сопровождалась или неприличными упреками, или же лобзаниями, с испрашиванием на коленях прощения, и тому подобною обстановкою, иногда очень приторной.

Сын известного победителя при Лагре и Кагуле – Румянцева, граф Михаил, страдал тоже довольно странною причудою, которая и довела его впоследствии до опеки над ним. Он стал воображать, что служит у строгих господ и исполняет обязанности экономки. Его старый, преданный слуга, чтобы помочь этому горю, принужден был сам наряжаться в женское платье и помогать ему в разных женских занятиях, вроде починки белья, штопанья чулок и т. п. Роль же господ играли два дюжих солдата-гвардейца, которые в известные часы приходили смотреть на работу экономки и, если находили ее неудовлетворительною, ругали и били ее. Побои графу так нравились, что после них он успокаивался на несколько дней. Солдаты, по приказанию ближних Румянцева, платили графу жалованье медными пятаками, на которые последний покупал деревянное масло и теплил его в лампадке у своего фамильного образа. Пишущий эти строки видел в 60-х годах, у старика-сенатора кн. П. А. Голицына, портрет Румянцева и его слуг и Иона Ивановича в женских платьях; оба они изображены сидящими за пьальцами. Причина такого помешательства графа, как рассказывал кн. Голицын, была нелюбовь к нему его отца. Известно, что фельдмаршал рано разошелся с женою и совсем не знал своих детей.

Рассказывали, что один из его сыновей в отроческом возрасте явился к нему в армию просить его о принятии на службу. «Да вы кто такой?» – спросит его фельдмаршал. – «Сын ваш», – отвечал тот. – «А-а... весьма приятно... Вы так выросли». После нескольких таких родительских вопросов молодой человек осведомился, где он может иметь помещение и что должен делать. «А вы, – отвечал отец, – поищите, у вас верно найдется здесь, в лагере, кто-нибудь знакомый из офицеров»...

К ряду замечательных чудаков екатерининских времен надо отнести Чупятова, вовсе, как кажется, не помешанного, прикидывавшегося легковерным до помешательства, из желания избежать тюрьмы за долги. Дурачество выдавать себя за жениха мароккской принцессы, при искусной игре Чупятова, принималось за чистую монету, и он жил себе припеваючи, забрасывая время от времени в разные коллегии вздорные претензии, еще более поддерживавшие убеждение властей, что этот человек не в своем уме. Личность этого субъекта до того интересовала современников, что они собрали о нем много анекдотов. Чупятов носил название мароккского принца. В конце 50-х годов на Смоленском кладбище существовала еще каменная плита над могилою этого чудака. Вот надпись: «Под камнем сим покоится ржевский купец Василий Анисимович Чупятов, под названием принц мароккский, в сем лестном звании странствовал 27 лет и на 64 году жизни своя скончался 1792 г. сентября 16-го дня». Чупятов несомненно был человек просвещенный, по своему времени, и не лишенный ума, он был мужчина высокого роста, ходил во французском кафтане и с мишурными знаками, по словам современников, он поражал своею величавою скромностью. Чупятов принадлежал к старинному именитому купечеству из города Ржева, но неудачные дела за границей и большой пожар расстроили его состояние. По словам Державина, он торговал с Любеком и Гамбургом, с Англиею и Голландиею, посылая туда на кораблях пеньку и масло. Другие полагают, что главною причиною расстройств его дел было неудачное сватовство за дочь известного богача Володимирова, которую сосватал ему ее дядя, известный тоже чудаком, Прокофий Акинфиевич Демидов. Чупятов в деле своего сватовства прибегал к содействию всесильных в ту пору Орловых и даже доходил с просьбой до самой императрицы. Графы Григорий, Алексей и Федор Орловы, а также граф Ив. Гр. Чернышев поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимирова. Сама императрица приказывала высватать ему невесту Д.В. Волкову, но последний предложил ему других невест благородных. Чупятов, однако, отказался. Все усилия высокопоставленных благодетелей и милостивцев не могли победить упорства и уклончивости Володимирова. Чупятов не хотел еще считать свое дело проигранным и входил с формальным прошением в коммерц-коллегию к прокурорским делам. Коммерц-коллегия не вошла в рассмотрение такой странной просьбы, и Чупятову оставалось склониться пред волею судьбы. Тут-то, вероятно, как говорит Л.Н. Майков в своих литературных мелочах екатерининского времени, он, не имея возможности выполнить свои торговые обязательства, «теснимый кредиторами, и объявил себя банкротом», как уверяли некоторые, притворно. «Затем, избегая неприятностей от своих верителей, – рассказывает Державин, он представился помешанным и навесил на себя разноцветных лент и медалей, присланных к нему будто бы влюбленною в него мароккскою принцессою». Чупятов в петербургском обществе был предметом постоянных насмешек, к нему присылали по почте ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена, иные писали к нему и просили, чтобы он оказал им свое покровительство, когда взойдет на мароккский престол, которого состоит наследником. Чупятов не замечал, однако, глумления и даже утешался присылками.

Державин в своей «Оде к вельможе» упоминает о нем:

Всяк думает, что он Чупятов,
В мароккских лентах и звездах.

Чупятов в обществе, ради его странного помешательства, был всегда желанным гостем, даже у высокопоставленных лиц. Являясь в гости, он вел разговор как человек здравый до тех пор, пока не покажут ему, ради потехи, курицу, разукрашенную лентами. Как только Чупятов увидит такую курицу, так и понесет всякий вздор, воображая, что курица есть воплощенный дух, присланный ему от мароккской королевы.

Существует рассказ, что когда государыня, после осмотра Вышневолоцкого канала в 1785 г., находилась в Успенском соборе, вдруг протеснился вперед Чупятов, разукрашенный лентами и звездами. Государыня спросила главнокомандующего, кто это, и, услышав, что это какой-то помешанный, сказала: «Почему он у вас на свободе? Для подобных людей место в заведении».

Что касается приведенного рассказа, то трудно допустить возможность приказа Екатерины II, ко всем снисходительной, о лишении свободы чудачка, никому не вредившего.

В человеческой натуре бывают очень странные вкусы. Лет двадцать тому назад еще здравствовал один довольно высокопоставленный человек, который из любви к искусству выучился рвать зубы. Он никогда не выходил из дому без футляра с зубными инструментами в кармане, как другой без портсигара. Ко всем он в зубы так и заглядывал. Беда тому, кто при нем заикнется, что у него зуб болит или болел: он так на него сейчас и кинется и с инструментом в рот залезет. Нередко за свое искусство он претерпевал даже личные неприятности, но все-таки своей «дантистики», как он выражался, не покидал. До коллекционерства почтовых марок существовало несколько собирателей сургучных печатей. Из числа любителей таких редкостей был известный князь Гор-в, который начал с того, что хранил печати всех полученных писем, потом просил всех своих знакомых, чтобы они отдавали ему конверты писем, и, наконец, начал отыскивать и платить за печати и собрал больше тридцати тысяч оттисков на сургуче. В коллекции князя было много редких печатей XVI, XVII и последующих веков. В числе таких любопытных у него была печать, на которой изображен открытый ящик Пандоры с надписью: «любопытство погубило свет»; на другом изображен амур, держащий записочку, а вокруг него слова: «полиции нечего тут смотреть»; на третьем – бежит собака с письмом и надпись говорит: «скорее и вернее почты». На одном вырезано: «распечатано по приказанию». На печати, принадлежавшей Виктору Гюго, вырезаны слова: «делать и делать», на печати Мишле «Крылья»; на печати Бальзака вырезано старинным правописанием: «Ум обязывает»; на печати Альфреда Мюссе видны таинственные слова, напоминающие время, памятное одному, забытое другими: «С того времени». На письме Фридерики Сулье странный девиз: «Нет выхода в смерти». На печати Александра Дюма было написано: «Ничто не вечно под луной», Эмиля Сувестра – слова: «Надеяться и не бояться». На печати Шарля Нобле виднелось банальное изображение: пылающее сердце, пронзенное стрелой, с надписью: «Разум этого хочет». На печати Адольфа Адана: «Я надеюсь, но боюсь». На печати певца Нурри изображен был Гарпократ, держащий палец на губах со словами: «Тише, тише, тише!» Эта печать была подарена Нурри одним его поклонником. Нурри имел привычку, когда он должен был петь вечером, молчать весь день и только шикал, если кто говорил. На печати композитора Герольда стояли слова: «Ничего прекрасного без случайности». Самую большую коллекцию таких печатей Гор-ов купил у француза Бландо за 30 000 руб., всех печатей там было 30 000 штук. Цена, как видим, довольно высокая за несколько фунтов сургуча!

В тридцатых годах вся Москва знавала одного очень богатого помещика, делавшего с раннего утра визиты по своим знакомым. Он не жил никогда в деревне, а вечно проживал в Москве или в своей подмосковной, близ Сокольников; придворное звание его не позволяло ему покинуть столицу: еще юношей, благодаря своему родовому положению, он был пожалован в камер-юнкеры и с этим званием прослужил чуть ли не до семидесяти лет. В обществе он был известен под именем камер-юнкера Рокко.

Кличку эту он заслужил вот по какому случаю: средств у него было много, даже слишком; один дом его занимал почти целую площадь – с садом, огородом, прудами и т. д., пристроек в его доме было множество, на дворе так было много разных домиков, павильонов, хижинок, что все это казалось чуть ли не целым уездным городком. Про его дом в Москве ходило немало рассказов; уверяли даже, что там находило себе убежище немало темного люда. Самый же дом, в котором жил камер-юнкер Рококо, состоял из двух длинных этажей; один огромный бель-этаж с нескончаемою анфиладою комнат мог бы послужить казармой для целого полка солдат. Комнаты эти были убраны великолепно, в них было много царской пышности – парча, бархат, атлас, позолота, мрамор, гобелены, статуи, античная бронза, китайский фарфор, словом все, что могло служить украшением царственного жилья.

Но все это в этих барских апартаментах было расставлено, развешано, размещено с таким безвкусием и в таком беспорядке, что с первого взгляда казалось, что все эти драгоценные вещи были свезены сюда на продажу, как в лавку, и только дожидаются покупателей, чтобы быть вынесенными для приведения их в более стройный порядок. Когда посетители спрашивали хозяина об этом хаотическом беспорядке в его апартаментах, об этой дорогой китайской бронзе, смешанной с простыми глиняными деревенскими кубарями, с чугунами или ухватами, о прекрасных старых картинах вместе с разными мазилками крепостных Рафаэлей, хозяин слушал равнодушно все подобные замечания, и, казалось, его даже это еще радовало. Камер-юнкер Рококо был страшно упрям. «Знаю, очень хорошо знаю, – отвечал он, – но я, знаете, люблю, чтобы у меня все было „рококо“, – видимо, сам не разумея этого слова. И пошел с тех пор гулять наш камер-юнкер под этим именем – Рококо. Этот оригинал жил не для себя, а для своих многочисленных знакомых, веселился не сам, а веселил своих знакомых. Все его увеселения носили отпечаток неподражаемой оригинальности, он тешил себя и других дорогими игрушками. Он только и мечтал о том, что бы изобрести для вечера или для обеда. Он, как и гоголевский Петух, призывал к себе по утрам своего старика-повара Яшку и дворецкого Прошку, грабивших своего барина без милосердия. Особенно обеда и завтраки стоили ему много дум и забот; задумав раз угостить своих гостей в посту по-монастырски, он закатил обед более чем в сто блюд. В меню входили: папошники, пироги длинные, косые и круглые из щучьей телесы, пирожки маленькие с телом рыбы, пряжья, кашка молочная с пшеном сорочинским, присол из живых щук, щука колодка, огнива белужья в ухе, звено лосося, звено семги, полголовы осетра и белуги просольной, лещи паровые, стерляди и т. д. Но особенно отличился он за десертом, где цукатные пироги, кремы, марципаны, желе и другие сладкие яства подавались на досках – на обыкновенных блюдах поместиться последние не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.